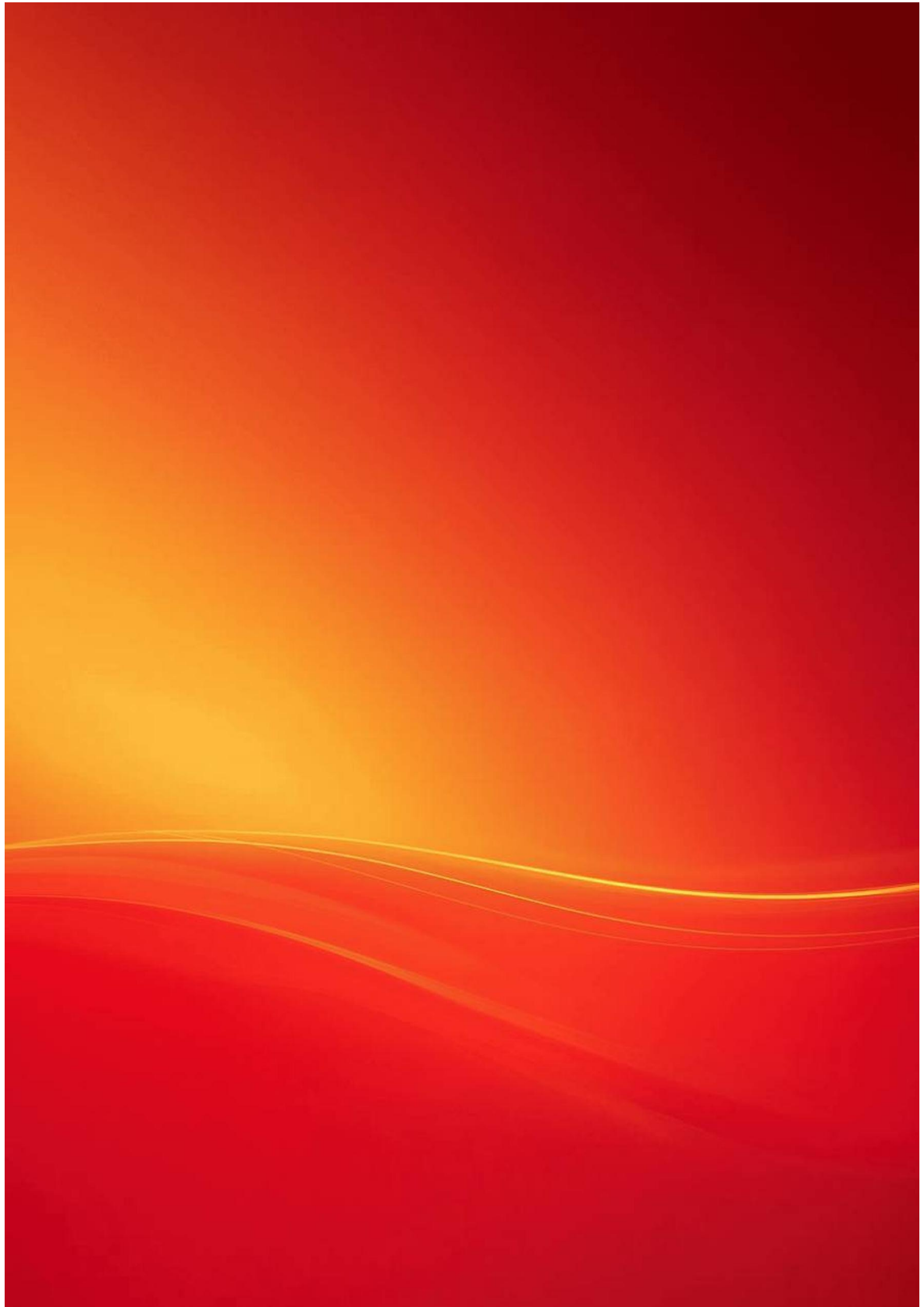

Тимофей Арский

Реставратор чужого города

«Автор»

2026

Арский Т.

Реставратор чужого города / Т. Арский — «Автор», 2026

Реставратор Анна Левина приходит в себя под строительными лесами чужого города — в теле погибшей работницы Леты. Под слоями извести здесь скрыты древние изображения, способные открывать дороги между местами и эпохами. Но за каждый восстановленный путь кто-то платит личным воспоминанием. Придворный маг обещает Анне дорогу домой и торопит закончить главную фреску. Чем ближе Псков, тем яснее цена: возвращение сотрёт её новую жизнь и память тех, кто стал ей дорог. Чтобы остановить город, пожирающий собственных жителей, Анне придётся совершить немыслимое для реставратора — решить, какой подлинник нельзя сохранять. «Реставратор чужого города» — приключенческое фэнтези о попаданке, ремесле, памяти и ответственности перед живыми.

© Арский Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Падение со стены	6
Глава 2. Лицо под известью	14
Глава 3. Чужая сестра	22
Глава 4. Хранитель лесов	30
Глава 5. Краска из памяти	38
Глава 6. Тридцать дней	46
Глава 7. Следы первой руки	54
Глава 8. Мастерская без имени	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Тимофей Арский

Реставратор чужого города

От автора

Реставратор почти никогда не начинает с красивой кисти и уверенного движения. Сначала он смотрит, где отходит штукатурка, что скрыто под поздней краской и выдержит ли стена ещё одно прикосновение. Иногда лучшим решением становится не восстановить изображение немедленно, а остановиться, укрепить край и признать: цена ошибки выше желания увидеть целое.

Эта история выросла из вопроса о границе такого ремесла. Что, если старое изображение действительно способно вернуть утраченный путь? И что, если материалом для него служат не известь и пигмент, а человеческая память? Тогда спор о сохранении прошлого перестаёт быть отвлечённым. Каждый раскрытый фрагмент кому-то помогает, у кого-то отнимает часть жизни и неизбежно даёт власть тому, кто выбирает, какую стену очищать первой.

Анна Левина попадает в чужой город не как избранная волшебница. Она умеет видеть слои, различать трещины, готовить раствор и не доверять слишком чистой поверхности. Но знание земного ремесла не объясняет местную магию и не делает её хозяйкой чужого наследия. Ей понадобятся люди, которые знают камень, леса, семейные истории и цену прежних открытий.

Перед вами приключенческий роман о городе на обломках, о памяти, которую нельзя считать бесхозным материалом, и о праве живых не становиться краской для прекрасного прошлого.

Глава 1. Падение со стены

Первым вернулся холод.

Он лежал под лопатками, под затылком, в сведённых пальцах и медленно поднимался по рукам, будто Анну положили на каменную плиту и забыли. Потом пришёл запах: мокрая известь, старая пыль, железо крови. Такой запах бывал в закрытых церквях ранней весной, когда стены ещё не отогрелись, а люди уже ставили леса и открывали окна.

Анна вдохнула глубже и закашлялась. В грудь словно вогнали тупой клин. Над ней качнулось небо — узкая белёсая полоска между двумя стенами. По полоске быстро плыли серые облака.

— Не трогай её, — сказал кто-то совсем рядом. — Шею сломала.

— Шею сломала — не кашляют.

Чужие голоса звучали глухо, как из-за двери. Анна хотела сказать, что её не надо переворачивать, пока не проверили позвоночник, но язык оказался тяжёлым, рот был набит песком. Она двинула правой кистью. Пальцы слушались. Левой — тоже. Ступни отзывались болью, зато отзывались.

Последнее, что она помнила, было совсем другим. Высокая площадка под куполом Мирожского собора. Холодная лампа на прищепке. Серый участок живописи под лупой. Она стояла на коленях, придерживая край кальки, и спорила сама с собой, можно ли ещё сегодня сделать пробу на маленьком фрагменте. Потом снизу позвал сторож: гроза идёт, пора закрывать окна. Анна убрала инструмент, начала спускаться. Ступень под ногой была крепкой.

А дальше — ничего.

Она приподняла голову. Мир сразу качнулся, камень ударил в затылок, в глазах потемнело.

— Лежи, Лета, — приказал мужской голос. — Если слышишь, моргни.

Анна моргнула. Над ней склонился худой старик с короткой белой бородой. На нём была грубая коричневая куртка, засыпанная известковой пылью. За плечом старика показалось лицо молодого парня, бледное от испуга. Оба были незнакомы.

— Вот видишь, — выдохнул парень. — Живая.

Лета. Они называли её Летой.

Анна подняла руку к лицу. Перед глазами оказалась узкая смуглая ладонь с обломанными ногтями и белым шрамом поперёк большого пальца. У неё никогда не было такого шрама. Пальцы были длиннее её собственных, кожа — жёстче, на подушечках застарелые трещины.

Паника пришла не криком, а тишиной. Все звуки отступили. Анна видела чужую руку и не могла отвести взгляд.

Старик принял её неподвижность за слабость.

— Не засыпай. Скажи, где больно.

— Везде, — хрипло ответила она.

Голос был тоже чужой — ниже, чем её, с сиплым надломом.

Парень радостно рассмеялся и тут же оглянулся, будто боялся, что смех запрещён.

— Я за лекарем.

— Стой, — сказал старик. — Сначала Ровена найди. И никому во дворце ни слова, пока он не увидит леса.

Парень сорвался с места. Анна услышала частые шаги, потом они утонули в шуме двора. Она заставила себя смотреть не на руку, а вокруг.

Каменный колодец был не помещением, а раскопом. По сторонам поднимались стены высотой в три или четыре этажа. Нижняя кладка состояла из огромных тёмных блоков, выше шёл светлый неровный камень, а самый верх был сложен из красного кирпича. Разные века

лежали друг на друге без всякого стыда. Вдоль северной стены стояли деревянные леса — не современные трубчатые, а тяжёлые, связанные верёвками, с настилами из тесаных досок. Один пролёт обрушился. Сломанные жерди торчали над землёй, как кости.

На целой части стены виднелась живопись.

Даже снизу Анна различила широкую охряную полосу, тёмно-синий фон и край огромной фигуры. Поверх изображения лежала белая известь, местами сбита до красочного слоя. Фреска была старой, но не мёртвой. Лазурь под пылью держалась удивительно ярко.

Она забыла о боли на несколько ударов сердца.

— Где я?

Старик нахмурился.

— В нижнем дворе, где же ещё.

— Как называется город?

Теперь испуг появился и у него. Он быстро провёл пальцами перед её глазами, будто проверял, следит ли она за рукой.

— Астэр. Лета, ты меня знаешь?

Анна посмотрела на незнакомое морщинистое лицо.

— Нет.

Старик выругался одними губами.

Сверху протяжно скрипнуло дерево.

Анна повернула голову к лесам. Верхний настил едва заметно просел. По нему шли двое рабочих. Один нёс корзину с камнем, второй тащил ведро. Они ступали осторожно, однако при каждом шаге вся конструкция дрожала. Вертикальная стойка у края стояла не прямо: её выгнуло к стене. Поперечина упиралась в свежий участок кладки, на котором тёмной ниткой раскрывалась трещина.

На уровне второго яруса висел большой отслоившийся пласт штукатурки. Его край был прикрыт тканью и прижат деревянными планками. Но планки крепились к тем же лесам. Если стойка уйдёт, она потянет настил; настил выдернет крепления; штукатурка рухнет следом.

Анна попыталась сесть.

— Куда? — Старик прижал ладонь к её плечу. — Тебя с третьего яруса сняли.

— Сколько времени прошло?

— С заката до рассвета искали. Ты под досками была.

Ночь. Она пролежала под обломками ночь и сейчас могла двигаться. Невозможность этого не умещалась в голове, но наверху был человек с корзиной, и доски под ним уже начали расходиться.

— Снимите их.

— Кого?

— Людей с верхнего настила. Быстро.

Старик оглянулся.

— Они укрепляют пролёт.

— Они его догружают. Стойка выгнулась. Видите верёвку под третьим узлом? Она натянута сильнее остальных.

Старик прищурился. Наверху рабочий поставил корзину на настил. Стойка отозвалась сухим треском.

— Вниз! — закричала Анна.

Голос сорвался. Рабочие посмотрели не на конструкцию, а на неё. Один поднял руку, показывая, что услышал, но корзину не оставил.

— Не по лестнице! — Анна оттолкнула старика и села. Двор закружился. Она вцепилась в его рукав. — На соседний пролёт. Не трогайте эту стойку!

Старик наконец увидел то, что видела она. Его лицо стало серым.

— Шим! Рат! Влево, на целый настил! Корзину брось!

Рабочий по имени Шим замешкался, словно дорогой камень был важнее приказа. Его товарищ ударил по корзине ногой. Камни посыпались вниз. Облегчённая доска подскочила, и оба перебрались через ограждение на соседнюю секцию.

— Всех от стены! — сказала Анна. — Планки держатся на лесах.

Во дворе работало не меньше двадцати человек. Несколько мужчин разбирали упавший пролёт, женщины просеивали песок, двое подростков крутили ворот над глубокой ямой. Никто не двигался. Они смотрели на ожившую Лету, которая вчера упала со стены и теперь отдавала распоряжения чужим голосом.

Старик рывкнул так, что эхо ударило о кладку:

— От стены! Все к воротам!

Люди бросили инструменты. Анна попыталась встать. Ноги подогнулись, старик подхватил её за локоть.

— Лежала бы, беда ходячая.

— Под тканью пласт. Если упадёт, его разобьёт.

— Людей бы не разбило.

— И людей тоже.

Они сделали два шага. Сверху посыпалась известковая крошка. Несколько белых крупинок упали старику на плечо. Анна задрала голову и увидела, как выгнутая стойка медленно скользит по камню. Верёвочный узел не развязывался — он резал размокшее волокно.

В дальнем углу осталась девочка с деревянным подносом. Лет двенадцать, не больше. Она прижалась к стене и закрыла голову руками, выбрав худшее место: точно под отслаивающимся фрагментом.

— Там ребёнок.

Старик обернулся.

Анна вырвала локоть и побежала. Или попыталась бежать. Чужое тело слушалось плохо, правое колено не разгибалось, каждый шаг отдавался под рёбрами. Кто-то крикнул сзади. Девочка не подняла головы.

Анна успела схватить её за ворот и дёрнуть на себя.

Леса сложились не сразу. Сначала лопнула одна верёвка, звонко, почти весело. Верхний настил накренился. Доски поехали к краю. Потом выгнутая стойка выскочила из нижней подпорки, поперечины повернулись, и вся секция поползла вниз, сдвигая крепления со стены.

Анна упала на девочку и закрыла ей голову руками.

Грохот был такой, словно внутри двора ударил гром. Дерево ломалось, камни сыпались, пыль забила рот и нос. Рядом что-то тяжёлое ударило о землю. Воздух толкнул Анну в спину.

Она ждала боли. Вместо неё услышала тонкий плач под собой.

— Цела? — спросила Анна.

Девочка всхлипнула.

— Не знаю.

— Руками пошевели. Ногами.

— Могу.

Анна подняла голову. Мир исчез в серо-белой мути. Сквозь пыль проступали тёмные силуэты. Старик звал её, люди перекликались у ворот.

Перед самым лицом Анны лежала доска с торчащим деревянным нагелем. Ещё полладони — и нагель вошёл бы ей в висок.

Она медленно перевернулась на бок. Девочка выползла из-под неё и сразу прижалась к стене.

— Не туда. Иди на голос.

— Лета, ты вся в крови.

Анна посмотрела на руки. Кровь была свежая, яркая, но шла из рассечённого предплечья. Ничего смертельного. Наверное.

— Иди.

Девочка побежала к воротам. Из пыли вышел высокий мужчина в тёмно-зелёной куртке. Он шёл, прикрыв рот локтем, и нёс на плече короткую верёвочную лестницу. Не звал и не суетился. Сначала осмотрел верх стены, потом обломки, только затем Анну.

— Встать можете?

— Могу.

— Тогда пока не вставайте.

Он положил лестницу на землю, как носилки, и опустился возле неё. Волосы у него были тёмные, с проседью у висков, лицо обветренное, на левой брови старый рубец. Он коснулся пальцами её шеи с обеих сторон, проверил затылок, попросил проследить глазами за его рукой. Делал всё уверенно, но не притворялся лекарем.

— Дан, — позвал старик из пыли. — Верхний ярус пустой был. Успели уйти.

— Я вижу, мастер Ней.

Значит, это Ровен, которого велели привести. Хранитель лесов, если Анна правильно поняла слово.

Он осторожно провёл ладонью вдоль её правой голени.

— Здесь?

— Нет.

— Здесь?

— Больно, но кость цела.

Мужчина поднял взгляд.

— Вы теперь и кости умеете видеть?

В его голосе не было насмешки. Только настороженность.

— Я чувствую.

— Вчера вы ничего не чувствовали.

Анна не нашла ответа.

Пыль начала оседать. Разрушенный пролёт лежал косо, упершись верхним краем в стену. За ним обнаружился участок фрески, прежде закрытый настилом. Огромная рука в синем рукаве держала золотой круг. Лицо фигуры уходило выше, под побелку. По охряной кайме тянулись незнакомые знаки.

А отслоившийся пласт остался на месте.

Анна прищурилась. Планки сорвало. Ткань висела клочьями. Такой большой кусок должен был рухнуть вместе с креплениями, но его удерживала тонкая полоса по верхнему краю. Нет, не удерживала — он вообще больше не отходил от стены. Вчерашний вздутый пузырь исчез. Штукатурка словно приросла обратно.

Под ней слабо мерцала синяя линия.

— Вы это видите? — спросила Анна.

Дан Ровен проследил за её взглядом.

— Что именно?

Мерцание погасло.

— Край пласта. Его должно было сорвать.

— Должно.

— Почему не сорвало?

— Хороший вопрос от человека, который лежал под этой стеной и не дышал.

Анна повернулась к нему.

— Не дышал?

Он задержал её взгляд, потом поднялся.

— Ней, несите сюда щит. Отнесём её в сторожку.

— Я сама дойду.

— Нет.

— Мне нужно увидеть крепление.

— Вам нужно пережить утро.

В другое время Анна поспорила бы. Но руки дрожали так сильно, что приходилось прижимать их к животу. Она позволила переложить себя на плетённый щит. Вместо старика второй край поднял парень, вернувшийся вместе с женщиной в сером плаще. Женщина несла кожаную сумку и пахла горькой полыньёю.

Пока её уносили, Анна смотрела на стену.

На синем фоне проступило пятно света. Не отражение: солнце ещё не заглядывало в глубокий двор. Пятно приняло форму высокого прямоугольника. За ним на миг показалась белая стена, металлический столик и красная кружка с отколотой ручкой.

Её кружка.

Анна дёрнулась так резко, что носильщики едва не уронили щит.

— Стойте!

— Не двигайся, — приказала женщина с сумкой.

— Там дверь.

Все посмотрели на стену. На месте прямоугольника была только древняя синяя краска, покрытая копотью.

Дан стоял среди обломков. Он смотрел не туда, куда показывала Анна, а на неё.

Сторожка оказалась тесной комнатой, пристроенной к краснокирпичному слою стены. Анну уложили на стол, заваленный верёвками и деревянными клиньями. Лекарка разрезала рукав, промыла рану и ощупала рёбра. На вопросы отвечала коротко: два ребра ушиблены, голова цела, глубоких ран нет. Ночь под завалом объяснить не пыталась.

Анна разглядывала чужое тело. На ногах были грубые кожаные башмаки. Штаны из плотной ткани стягивал плетённый пояс. Под грязным рукавом открылась сильная, жилистая рука — рука женщины, привыкшей носить камень и воду. На запястье синела татуировка: три короткие линии и круг.

— Что это значит? — спросила Анна.

Лекарка посмотрела на знак.

— Метка раскопа. Ты сама за неё платила.

— Я не помню.

— Ней сказал.

— Я не помню ничего о Лете.

В комнате стало тихо. За дверью рабочие разбирали завал. Стук дерева и камня звучал размеренно, будто утреннее происшествие уже превращалось в обычную работу.

Лекарка завязала повязку и вытерла руки.

— До вечера память вернётся.

— А если нет?

— Тогда до завтра.

Она явно не хотела слышать третий вариант.

Дан вошёл без стука. В руках он держал обрывок толстой верёвки. Один конец был размочален, второй срезан ровно и чисто.

Он положил верёвку на стол рядом с головой Анны.

— Это нашли на вашей секции.

Мастер Ней, вошедший следом, выругался.

— Ножом?

— Почти до сердцевины. Ночью волокна держали, утром лопнули под грузом.

Анна посмотрела на ровный срез. Значит, её падение могло быть не несчастным случаем. Но почему она очнулась в теле этой женщины? Где сама Лета? И что произошло с Анной в Пскове?

Она не успела выбрать вопрос.

— Кто знал, где вы будете работать вчера? — спросил Дан.

— Я не знаю.

— Кто дал вам приказ подняться на третий ярус после заката?

— Я не знаю.

— Что вы снимали со стены?

— Я не знаю.

Ней шагнул вперёд.

— Хватит её мучить. Головой ударилась.

— Она увидела напряжение узла с земли сквозь пыль. Вчера не умела отличить прямой упор от косого. — Дан повернул верёвку срезом к свету. — Если она не помнит вчера, пусть скажет, что помнит.

Анна закрыла глаза. Можно было назвать своё имя, город, мастерскую, год, в котором она жила. Но ни одно слово не делало происходящее менее безумным. Эти люди говорили по-русски — или она почему-то понимала их речь как русскую. За дверью стоял город, которого не могло быть. На стене на миг открылась её мастерская. А в медной миске возле локтя отражалось лицо незнакомой женщины.

Анна наклонилась к воде.

Тёмные волосы были обрезаны неровно у подбородка. Левая скула распухла, над бровью запеклась кровь. Глаза — серо-зелёные, большие, чужие. Женщина в отражении повторила движение её губ.

— Моё имя Анна Левина, — сказала она.

Ней медленно снял шапку.

Лекарка отступила от стола.

Только Дан не изменился в лице.

— А Лета Варын где?

— Не знаю.

— Чьё это тело?

Анна заставила себя посмотреть прямо на него.

— Судя по тому, что вы говорите, её.

Снаружи перестали стучать. Кто-то, должно быть, слушал у двери.

Ней первым нарушил молчание:

— Не говори так при людях. У Леты сестра есть.

Боль от этих слов оказалась острее, чем от ушибленных рёбер. Где-то в городе жила сестра женщины, чьими руками Анна сейчас держалась за край стола. Для неё Лета не была пустым телом, странным отражением или загадкой. Она была человеком, которого ждали с раскопа.

— Она должна узнать правду, — сказала Анна.

— Сначала правду надо узнать нам, — ответил Дан.

За дверью раздался властный голос:

— Открыть. Именем распорядителя раскопов.

Ней побледнел.

— Уже донесли.

Дан спрятал перерезанную верёвку под куртку. Лекарка быстро накрыла окровавленный рукав тканью. Дверь распахнулась, и в сторожку вошли трое.

Впереди шёл полный мужчина в длинном чёрном кафтане, слишком чистом для раскопа. На груди у него висела серебряная пластина с изображением арки. За ним остановились двое стражников в кожаных нагрудниках. Полный мужчина оглядел комнату и задержал взгляд на Анне.

— Работница Лета Варын?

Никто не ответил.

— Я спрашиваю, она ли это.

— Она, — сказал Ней.

— Распорядитель Кальн желает знать, что открыла работница перед падением.

— Она едва очнулась.

— Поэтому я спрашиваю сейчас, пока её воспоминания не перепутались с бредом.

Анна почувствовала, как Дан едва заметно коснулся края стола. Предупреждение: молчать.

Но человек в чёрном уже увидел медную миску. На поверхности воды дрожал синий прямоугольник.

Он резко подошёл ближе. Оттолкнул лекарку, склонился над миской. Отражение исчезло, осталась только балка потолка.

— Что здесь было?

— Вода, — ответила Анна.

— На стене открывался путь?

Слово прозвучало буднично. Не видение, не чудо — путь.

Анна вспомнила свою красную кружку, белую стену мастерской и холодную лампу. Если это действительно был проход, значит, дом не исчез. Он существовал по ту сторону древней краски.

— Я ничего не открывала.

Человек в чёрном всмотрелся в неё, словно решал, сколько боли понадобится для другого ответа.

Снаружи закричали.

Крик быстро подхватили другие голоса. Кто-то звал Дана. Он первым выбежал во двор. Ней последовал за ним. Анна спустила ноги со стола.

— Лежать, — сказала лекарка.

Анна уже встала. Комната качнулась, но удержалась на месте. Она дошла до двери, опираясь на стену.

Во дворе люди окружили уцелевший участок лесов. На втором ярусе рабочий Шим прижимал ладони к стене. Тот самый пласт штукатурки, который должен был рухнуть, теперь лежал ровно. Трещины вокруг него затянулись тонкими синими прожилками.

А в центре фрагмента открылся нарисованный глаз.

Он был величиной с человеческую голову: тёмная ресница, зелёная радужка, чёрный зрачок. Живопись ещё минуту назад скрывала ткань. Теперь глаз смотрел вниз, во двор.

Шим повернулся к людям.

— Я не помню дорогу домой, — сказал он.

Кто-то засмеялся от испуга.

— Спустишься и вспомнишь.

— Нет. — Шим обвёл взглядом двор. — Я знаю, что живу с женой. Знаю её имя. А где наш дом — не знаю.

Анна посмотрела на глаз. В его зрачке мелькнул свет чужого помещения, узкого и белого. На краю стола стояла красная кружка.

Потом нарисованное веко медленно опустилось.

Изображение исчезло под старой копотью.

Человек в чёрном схватил Анну за перевязанную руку.

— Распорядитель должен увидеть вас немедленно.

Она вскрикнула. Дан шагнул между ними и спокойно снял его пальцы с повязки.

— Сначала лекарь закончит работу.

— Ты забываешь, кому принадлежат раскоп и всё найденное здесь.

— Леса принадлежат тому, кто отвечает за живых людей на них.

Они стояли совсем близко. Стражники у двери положили руки на рукояти коротких мечей. Рабочие молчали, но никто не разошёлся.

Человек в чёрном отступил первым.

— До полудня, Ровен. Потом я вернусь с приказом.

Он ушёл, уведя стражников. Люди расступились перед ним и снова сомкнулись за спинами.

Анна ощутила, что ноги больше не держат. Дан подставил плечо и помог ей сесть на порог сторожки. Он не обнял её и не задал вопросов. Просто встал так, чтобы закрыть от взглядов двора.

— Вы знали, что стена может открыть путь? — спросила Анна.

— Знал, что Кальн в это верит.

— А про память?

Дан посмотрел на Шима, которого товарищи осторожно снимали с настила.

— Теперь знаю.

— Глаз восстановился, когда рухнули леса. Я его не писала.

— Вчера писала Лета.

— Я не Лета.

— Это я тоже слышал.

Он говорил без издёвки, и от этого становилось ещё страшнее.

Анна подняла чужую ладонь. На пальцах под пылью проступили следы синего пигмента. Они были вьёвшимися, старыми. Но на указательном пальце блестела одна свежая крупинка, яркая, как осколок неба.

Она стёрла её большим пальцем.

На миг двор исчез.

Анна увидела металлические леса под куполом, свой раскрытый ящик с инструментами и телефон на подоконнике. Экран светился. На нём было семь пропущенных звонков от матери.

Она протянула руку.

Видение захлопнулось.

На ладони осталась синяя пыль.

— Дом, — прошептала Анна.

Дан присел рядом, но не коснулся её.

— Что вы увидели?

Анна сжала пальцы. Если придворный распорядитель собирался забрать находку, единственной защитой могло стать знание. А знала она пока слишком мало: чужое имя, перерезанная верёвка, нарисованный глаз и путь, который отнял у человека дорогу к собственному дому.

— Сначала покажите мне, откуда упала Лета, — сказала она.

— Вам нельзя на леса.

— Тогда принесите всё, что она снимала со стены. Пыль, штукатурку, инструменты. Ничего не мойте и не выбрасывайте.

Дан посмотрел на её сжатую ладонь.

— Зачем?

— Потому что стена уже взяла плату. До полудня надо понять, за что.

Глава 2. Лицо под известью

Вещи Леты принесли в трёх корзинах.

Первую мастер Ней поставил на пол сторожки осторожно, будто внутри лежало стекло. Во второй звякнули металлические скребки. Третья была наполнена серыми обломками штукатурки, которые двое рабочих собрали под уцелевшей частью стены. Сверху Ней положил свёрнутую ткань, испачканную синей краской.

— Это всё, что нашли на её настиле, — сказал он. — То есть на твоём.

Он запнулся, недовольно потёр бороду и посмотрел в сторону двери. Снаружи Дан следил за разбором лесов. До полудня оставалось, по словам лекарки, меньше двух часов.

Анна сидела за столом. Рёбра тянуло при каждом вдохе, на затылке бился ровный тяжёлый пульс, но ясность не уходила. Она боялась засыпать: вдруг проснётся в другом месте, другом теле или не проснётся вообще. Работать было проще, чем думать об этом.

— Не моё, — сказала она. — Всё это принадлежало Лете.

— Руки-то её.

— Руки — да.

Ней покачал головой, но спорить не стал.

Анна разложила на чистой доске содержимое первой корзины. Широкая кисть из тёмного волоса. Два коротких ножа с закруглёнными концами. Деревянная лопатка. Мешочек с угольной пылью. Маленькая костяная ложка. Пять глиняных чашек, вложенных одна в другую. Никаких чудесных приборов. Большую часть она могла бы найти в мастерской много веков назад, хотя формы были незнакомыми.

На рукояти тонкого ножа обнаружилась насечка: три линии и круг, как на запястье Леты.

— Рабочая метка?

— Чтобы не крали, — ответил Ней. — У каждого своя.

— Кто мог взять её нож вчера?

— Любой, кто поднялся бы на ярус. Но люди чужой знак знают.

Анна поднесла лезвие к окну. На металле осталась белая корка и тонкая полоска синего пигмента. Обычной водой её не смыло. Лета не просто носила камни. Она расчищала живопись.

Во второй корзине лежали инструменты для лесов: деревянные клинья, моток тонкого шнура, свинцовый отвес и молоток. Анна взяла шнур. На одном конце был завязан сложный плоский узел.

— Она сама крепила настилы?

— Иногда помогала. Дан не любил, когда кто-то лез в его работу.

— А вчера позволил?

— Вчера его не было в нижнем дворе. Распорядитель вызвал во дворец.

Слишком удобно. Дана убрали, Лету отправили наверх после заката, верёвку надрезали. Если целью было убийство, кто-то очень не хотел, чтобы Лета рассказала об открытом слое. Но она успела сделать что-то со стеной — глаз появился после падения и забрал у Шима дорогу домой.

Анна развернула испачканную ткань. Это оказался не лоскут, а кусок плотного полотна длиной с руку. К нему прилип тонкий красочный слой: синее поле, охряная дуга и часть чёрной линии. Перенос снятой живописи на ткань. Грубо, рискованно, но узнаваемо.

— Где Лета этому научилась?

— Села показывала. Ученица распорядителя.

— Зачем они снимали изображение со стены?

— Говорили, поздняя мазня закрывает древнее письмо.

Анна провела пальцем рядом с краем, не касаясь краски. Полотно было приклеено к лицевой стороне каким-то тёмным составом, а с обратной стороны осталась тонкая известковая плёнка. Если снять ткань сейчас, пигмент мог осыпаться.

— Это верхний слой. Его не уничтожали, а переносили.

— Какая разница? Сняли — значит сняли.

— Разница в намерении. Лета хотела сохранить то, что закрывало нижнюю живопись.

— Или боялась, что Кальн потом спросит, куда делось.

Ней говорил о придворном маге вполголоса, хотя дверь была закрыта. Анна запомнила страх, но не стала расспрашивать. Она взяла одну из глиняных чашек. На дне засохла синяя краска. Поднесла ближе — и почувствовала слабое покалывание в пальцах.

Белая стена мастерской возникла не перед глазами, а будто за ними. Анна увидела полку с банками, край окна и свой синий рабочий халат на крючке. Видение было мутным, неподвижным.

Она поставила чашку.

— Что?

Ней заметил, как она вздрогнула.

— Я снова видела дом.

— В чашке?

— Через краску.

Он перекрестился незнакомым движением: коснулся лба, груди и левого плеча двумя пальцами.

Анна посмотрела на пигмент. В земной мастерской она начала бы с микроскопа, проб растворимости и описания каждого слоя. Здесь были нож, вода и два часа до прихода людей Ореста. Значит, приходилось строить самое простое исследование из того, что имелось.

— Мне нужны чистые дощечки, вода из двух разных источников, известь, песок и все краски, которыми пользовалась Лета. Ещё белая ткань.

— Зачем два вида воды?

— Чтобы понять, дело в краске или в том, чем её разводили.

— За два часа?

— За час. Остальное время оставим на ошибку.

Ней хмыкнул. В его взгляде впервые появилось не только опасение, но и любопытство.

— Лета так не говорила.

— Я и не Лета.

Он вынес корзины во двор и вернулся с помощниками. Анна попросила поставить длинный стол под навесом, но не у самой стены. Пока носили воду и материалы, она осмотрела обломки из третьей корзины.

Штукатурка отличалась по цвету и плотности. Верхняя была рыхлой, почти белой, с волокнами соломы. Под ней шёл тонкий розоватый слой. Ещё ниже — плотный серый раствор с мелкими чёрными камешками. На некоторых кусках сохранялась живопись. Анна разложила их в порядке, который подсказывали края.

Получалось как минимум три ремонта. Не три мазка поверх друг друга, а три разных стены, соединённых поздней кладкой.

На одном обломке виднелась часть знака, похожего на раздвоенную ветку. Такой же знак повторялся на перенесённом полотне. Лета, вероятно, заметила соответствие слоёв и стала снимать верхнюю запись, чтобы открыть раннюю композицию.

Дан вошёл, когда Анна обводила кусочки углём на доске.

— Вы устроили мастерскую.

— Пока только стол.

— Люди Кальна уже у верхних ворот. С приказом и телегой.

— Зачем телега?

— Забрать стену не смогут. Значит, заберут вас и всё, что можно унести.

Он положил рядом два перерезанных конца верёвки. Теперь срез был очищен от грязи. По краям волокна потемнели.

— Чем резали?

— Узким ножом. Такие есть у половины рабочих. Но на верёвке пахнет гвоздичным маслом.

Ней перестал растирать известь.

— Масло из дворцовой кладовой. Им металл от ржавчины натирают.

— И ещё ваши ножи, — сказал Дан. — Села раздавала его тем, кто снимал слой.

Подозрение вело к ученице Ореста слишком прямо. Анна знала цену таким удобным следам: иногда убийца ошибается, а иногда хочет, чтобы нашли именно то, что оставлено.

— У Леты был доступ к маслу?

— Был, — ответил Ней. — В маленькой бутылки. Вещи её перебрали, бутылки нет.

— Значит, запах ничего не доказывает.

Дан посмотрел на неё внимательнее.

— Вы её защищаете?

— Я её не знаю. И потому не обвиняю.

Он кивнул, принимая ответ.

На столе появились две кружки воды. Одну принесли из городского колодца, вторую — из цистерны раскопа. Анна насыпала в две чашки одинаковое количество синего порошка, растёрла деревянной лопаткой, добавила по несколько капель. Краска в колодезной воде стала обычной мутной взвесью. Вода из цистерны потемнела, а потом на поверхности появилась тонкая золотистая плёнка.

Все трое наклонились ближе.

— Так бывает всегда? — спросила Анна.

Ней покачал головой.

— Я синь не мешаю. Дорогая.

— Откуда вода в цистерне?

— Собирается под нижней стеной. Раньше думали, родник. Кальн велел не вычерпывать.

Анна опустила в обе чашки по чистой щепке. Ничего. Добавила крупинку старой штукатурки с фрески. В колодезной воде она легла на дно. В воде из цистерны золотая плёнка собралась вокруг обломка, и синяя краска поползла по нему тонкими линиями, точно искала старый рисунок.

Перед Анной возник коридор её мастерской. На этот раз изображение двигалось. За окном текли дождевые струи. На столе мигал телефон.

— Мама, — выдохнула Анна.

Она наклонилась к чашке. Коридор приблизился, но вместе с ним из памяти ушло что-то маленькое и тёплое. Анна знала, что только что помнила запах материнского шарфа — смесь духов и сухой мяты. Теперь могла назвать и духи, и мяту, но самого запаха представить не могла.

Она резко оттолкнула чашку. Та опрокинулась. Синяя вода потекла по столу к трещине в доске.

— Не трогать! — крикнула Анна.

Ней замер с тряпкой в руке.

Капля упала на кусок поздней штукатурки. На белой поверхности проступила тёмная линия. Затем ещё одна. Они сложились в закрытое веко.

Дан накинул на обломок пустую глиняную чашу. Свет под ней погас.

— Что забрало? — спросил он.

Анна потёрла виски.

— Не уверена.

— Шим тоже сначала не был уверен.

Она попыталась вспомнить мать не вообще, а конкретно: тёплый платок, приходящая, мокрый снег на сапогах. Картина оставалась. Пропал только запах шарфа. Мелочь, которой никто кроме неё не заметил бы. От этого было хуже. Стена могла брать память так тихо, что человек продолжал считать себя целым.

— Запах, — сказала Анна. — Один запах из детства.

Ней опустил руки.

— За одну каплю?

— Не за каплю. За связь. Старая штукатурка, синяя краска и вода из-под стены. Вместе они что-то восстанавливают.

— Путь?

— След пути. Я не знаю.

Дан снял пояс и туго обвязал крышку вокруг чаши, чтобы никто случайно не поднял её.

— Тогда опыт закончен.

— Нет.

— Вы уже заплатили.

— Поэтому второй раз платить не будем. Нам нужно исследовать сухие слои, не добавляя воду.

— Вы говорили, что оставите время на ошибку. Вот она.

Его спокойствие раздражало сильнее приказа. Анна поднялась, опираясь ладонями о стол.

— Если сейчас придёт Орест и начнёт лить эту воду на стену, он возьмёт не запах. Шим потерял дорогу, когда открылся один глаз. Что исчезнет, если они расчистят лицо?

Дан посмотрел на закрытый обломок.

— Поэтому мы спрячем воду.

— Цистерну тоже?

Он промолчал.

У верхних ворот ударили в металлическую пластину. Один раз, второй, третий. Рабочие во дворе перестали говорить.

— Приказ, — сказал Ней.

Дан вышел навстречу людям Кальна. Анна быстро завернула чашки и инструменты Леты в полотно.

— Куда? — спросил Ней.

— К стене.

— Ты еле стоишь.

— Если Орест всё равно заберёт находку, я должна увидеть её до него.

Ней ругнулся, но подставил плечо.

Они вышли из-под навеса и направились к уцелевшему пролёту. Дан спорил у ворот с чиновником в чёрном и пятью стражниками. На этот раз у чиновника был свиток с красной печатью. Пока все смотрели туда, Анна и Ней поднялись по боковой лестнице.

После падения высота стала почти невыносимой. Чужие ноги помнили вчерашний ужас лучше неё. Колени дрожали, ладони холодели, перед глазами снова возникал летящий настил. Анна остановилась на первом ярусе.

— Назад? — спросил Ней.

— Нет. Проверяю опору.

Это была лишь половина правды. Она надавила на стойку, осмотрела клин, убедилась, что верёвка сухая и целая. Потом поднялась выше.

Фреска оказалась огромной. Видимый глаз занимал лишь часть лица, скрытого под известью. Вокруг проступали очертания золотого круга, синего рукава и ладони. Верхний слой был не просто побелкой: на нём когда-то тоже находилась живопись, соскобленная и закрытая новыми ремонтами. Лета начала раскрывать маленькое окно у виска фигуры, а затем провела узкую пробу вниз к щеке.

Анна осмотрела края. Там, где работала Лета, известь отделялась чисто. Рядом кто-то процарапал глубокую вертикальную борозду, будто хотел ускорить отслоение. Борозда уходила к месту крепления лесов.

— Её уронили не только верёвкой, — сказала Анна. — Стену ослабили. Если бы пласт сошёл сразу, он накрыл бы тело и разбил изображение.

— Чтобы никто не увидел, что она нашла.

Анна заметила на настиле небольшой свёрток, зажатый между стеной и доской. Достала его кончиками ножа. Внутри лежал клочок промасленной бумаги с угольным рисунком.

Лета скопировала часть лица. Под глазом шёл ряд знаков, а ниже — ладонь, прижатая к груди. Рядом она начертила три прямоугольника один за другим. В первом стояла фигурка, во втором её лицо было перечёркнуто, третий оставался пустым.

— Она знала о цене, — прошептала Анна.

Снизу донёсся голос Дана:

— Левую лестницу убрать! На стене люди!

Он не выдавал их, а предупреждал. У ворот стражники уже входили во двор.

— Одну минуту, — сказала Анна.

— За минуту Кальн нас обоих закроет в камере, — ответил Ней.

— Тогда держите ткань.

Она выбрала самый узкий нож Леты и встала перед пробой. Нельзя было расчищать фреску наспех, без укрепления краёв и проверки раствора. Всё в ней сопротивлялось такому варварству. Но Лета подготовила участок: край уже был пропитан слабым клеящим составом, осыпающиеся места прикрыты тонкой бумагой. Не хватало нескольких движений.

Анна не касалась синей краски. Она завела лезвие под позднюю известь там, где слой сам отходил, и слегка повернула рукоять. Белая чешуйка отделилась. Под ней показалась охра. Ещё одна — линия скулы. Ней ловил кусочки в ткань, не позволяя им падать.

Внизу чиновник кричал, чтобы они немедленно спустились.

Анна расчистила участок шириной в два пальца. Лицо было женским, но не портретным: крупные спокойные черты, тёмная дуга брови, зелёный глаз. В зрачке сохранилась крошечная белая точка.

Точка зажглась.

Ней отшатнулся. Настил качнулся.

— Не двигайтесь, — сказала Анна.

Свет разлился по зелёной радужке. Фреска исчезла. Перед Анной открылось окно в её мастерскую — настолько ясное, что она увидела пыль на лампе и трещину на красной кружке. На полу лежала её сумка. За окном серел псковский октябрь. По комнате шла женщина в синем халате.

Анна не сразу узнала коллегу, Ирину Павловну. Та держала телефон у уха и плакала.

— Я здесь! — крикнула Анна. — Ирина Павловна!

Женщина остановилась. Повернула голову к стене.

На один удар сердца их взгляды встретились.

Анна протянула руку. Поверхность была не камнем и не воздухом — упругой прохладной плёнкой. Пальцы вошли на глубину ногтя.

В памяти сразу образовалась пустота. Анна отдернула руку и не смогла вспомнить фамилию Ирины Павловны. Имя знала, лицо узнавала, а фамилии будто никогда не существовало.

Окно дрогнуло.

— Не закрывайтесь! — Анна ударила ладонью рядом, не касаясь краски. — Я жива!

Ирина Павловна подошла ближе. Её губы двигались, но звука не было. Она прижала ладонь к белой стене с другой стороны.

Кто-то снизу дёрнул лестницу. Ней потерял равновесие, задел плечом Анну. Лезвие скользнуло по краю пробы.

Окно погасло.

На стене осталось лицо под известью. Теперь был виден не только глаз, но и угол губ. Казалось, нарисованная женщина знает, что Анна только что упустила.

— Спускайтесь, — сказал незнакомый женский голос у них за спиной. — Если хотите сохранить фрагмент.

На соседнем пролёте стояла женщина в тёмно-красной куртке. Короткие светлые волосы были собраны кожаным шнурком. На поясе висели узкие футляры с инструментами, на пальцах темнели синие пятна.

Села Ард.

Она могла подняться по дальней лестнице, пока все смотрели на ворота.

— Вы подготовили край? — спросила Анна.

Села бросила взгляд на расчищенное лицо.

— Лета подготовила. Я только учила её снимать запись.

— А верёвку тоже учили резать?

Ней резко повернулся к ней.

Села не отшатнулась.

— Значит, нашли.

— И масло нашли.

— Моё масло было у Леты, у меня и у шести каменщиков. Если бы я хотела скрыть след, вы бы его не учуяли.

— Удобный ответ.

— Другого у меня пока нет.

Снизу появился Дан. За ним поднимались два стражника.

— Анна, отойдите от стены, — сказал он.

Впервые он назвал её настоящим именем при других.

Села вскинула брови. Ней схватился за ограждение. Стражники переглянулись.

— Вот, значит, что воскресло в работнице, — тихо сказала Села.

— Не что, — ответила Анна. — Кто.

Чиновник в чёрном поднялся следом, тяжело дыша.

— Именем князя весь фрагмент, инструменты и работница переходят под руку распорядителя Кальна. Ровен, уберите людей. Ард, запечатайте стену.

Села достала из футляра серебряный стержень.

— Если запечатаете сейчас, край потянет краску, — сказала Анна.

— Не учите ученицу распорядителя.

— Она и сама это видит.

Села смотрела на тонкую трещину, которая уже ползла от раскрытого глаза к виску. Анна подхватила чашку с известью, смочила край чистой колодезной водой и быстро приготовила густой раствор. Не идеальный, но безопаснее сухого давления.

— Подайте ткань.

Ней подчинился. Анна прижала тонкую полосу вдоль раскрытия и закрепила её раствором на поздней извести, не заходя на красочный слой.

— Теперь можно закрывать щитом. Не металлом к стене. С зазором в ладонь.

Села убрала серебряный стержень.

— Сделайте, как она сказала.

Чиновник покраснел.

— У вас приказ.

— У меня фрагмент, который распорядитель хочет получить целым.

Стражники принесли деревянный щит. Дан сам закрепил его на независимых стойках, не касаясь стены. Пока он работал, Анна спрятала рисунок Леты за пояс. Села заметила движение, но ничего не сказала.

Внизу уже стояла крытая телега. На неё погрузили корзины, чашки и обломки. Закрытую чашу с ожившим фрагментом Дан не отдал.

— Это часть расследования падения, — сказал он.

— Расследования не будет, — ответил чиновник. — Работница нарушила приказ, поднялась на закрытый ярус и пострадала по собственной неосторожности.

— Верёвку резала тоже сама, пока падала?

Чиновник сделал вид, что не услышал.

Анне позволили спуститься без верёвок на руках, но стражники встали по сторонам. Во дворе рабочие избегали её взгляда. Шим сидел у навеса, прижав ладони к вискам. Жена пыталась объяснить ему дорогу: через Рыбные ворота, мимо трёх колодцев, к дому с зелёной дверью. Он повторял слова и сразу путал правый поворот с левым.

Анна остановилась.

— Мне нужно поговорить с ним.

— Во дворце, — сказал чиновник.

— Он пострадал из-за фрески.

— Он растерялся от падения лесов.

— Тогда вам нечего бояться разговора.

Дан подошёл к Шиму и его жене.

— Я провожу их домой. И запишу, что он помнит сейчас.

Чиновник усмехнулся.

— Запишешь? Ты теперь писец?

— Найду писца.

Это было первое зерно будущего журнала, хотя Анна ещё не знала, во что оно вырастет. Сейчас ей стало немного легче от того, что потерю Шима хотя бы не позволят объявить выдумкой.

Села села в телегу рядом с корзинами. Перед тем как полог опустили, она сказала Анне:

— Вы расчистили глаз чище, чем Лета за неделю.

— Она подготовила работу.

— Поэтому и умерла.

— Вы знаете, кто её убил?

— Я знаю, что она увидела под лицом.

Полог упал между ними.

Стражник подтолкнул Анну к другой повозке. Внутри не было скамьи, только голые доски и железное кольцо в полу. Чиновник забрался следом и запер дверцу.

Через узкую щель Анна увидела, как Дан спорит с Неем у сторожки. Ней хотел ехать вместе с ней; Дан удерживал его за плечо. Потом Дан подошёл к повозке и положил ладонь на борт.

— Я найду Мару, — сказал он.

Анна вспомнила младшую сестру Леты, о которой слышала только имя.

— Скажите ей правду.

— Какую именно?

Колёса уже тронулись.

Анна успела ответить:

— Что её сестра нашла стену и попыталась её сохранить. Обо мне пусть решит сама.

Повозка выехала из нижнего двора. За воротами открылась улица Астэра: тесные каменные дома поверх древних арок, мостки между крышами, лестницы, уходящие под землю. Город был огромен и весь состоял из слоёв. В щели между двумя зданиями Анна увидела далёкий дворец на возвышении. Его белые стены пересекали ряды тёмных проёмов, похожих на закрытые глаза.

В кармане чужой куртки шуршал рисунок Леты.

Анна вынула его так, чтобы чиновник не заметил. На обороте под слоем угольной пыли проступала короткая надпись. Знаки были незнакомыми, но смысл почему-то сложился у неё в голове, как складывалась речь окружающих:

«Лицо помнит дверь. Дверь забывает человека».

Она перечитала строку дважды.

После второго раза уже не смогла вспомнить фамилию матери.

Имя осталось: Елена. Лицо осталось. Дом, кухня, голос, привычка складывать полотенца втрое — всё было на месте. Фамилия исчезла так чисто, будто её стёрли с мокрой доски.

Анна скомкала бумагу, испугавшись, что третье чтение заберёт ещё что-нибудь.

Чиновник заметил движение.

— Что там?

— Повязка сползла.

Он отвернулся.

Анна спрятала рисунок за подкладку куртки и закрыла глаза. До мастерской в Пскове существовал путь. Ирина Павловна увидела её. Это было не сном. Но за несколько мгновений у стены Анна потеряла запах материнского шарфа, фамилию коллеги и фамилию собственной матери.

Если Орест Кальн уже умел открывать такие двери, он знал цену. Если не умел — она только что показала ему, как начать.

Повозка загрохотала по мосту. Внизу шумела вода. Анна считала удары колёс и повторяла про себя то, что ещё принадлежало ей.

Анна Левина. Тридцать четыре года. Псков. Мама — Елена. Красная кружка с отколотой ручкой. Мастерская. Мирожский собор. Дом.

На слове «дом» в памяти возникли сразу два места: маленькая кухня с жёлтым светом и нижний двор Астэра, где Дан держал ладонь на борту повозки.

Анна открыла глаза.

Впереди распахивались дворцовые ворота.

Глава 3. Чужая сестра

Во дворец Анну не повели через парадные двери. Повозка свернула под арку, где пахло мокрой соломой, конским потом и золой, остановилась у низкого крыла без окон. Чиновник первым выбрался наружу, расправил чёрный кафтан и велел стражникам ждать распоряжения Кальна.

Анну заперли в комнате, слишком чистой для темницы и слишком пустой для приёмной. Каменная скамья, кувшин, решётка под потолком. На стене белел прямоугольник новой штукатурки. Его края были ровными, словно кто-то закрыл картину и старательно сделал вид, что её здесь никогда не было.

Анна не приблизилась.

Она села, прижала ладони к коленям и снова перечислила то, что боялась потерять.

Анна Левина. Тридцать четыре. Псков. Мама — Елена. Красная кружка. Мастерская. Ирина...

Фамилия коллеги не возвращалась. На её месте не было даже ощущения забытого слова. Память обрывалась после имени, как запись на отрезанной полосе ткани.

Анна достала рисунок Леты. Бумага помялась, уголь отпечатался на пальцах. Читать надпись ещё раз она не стала. Рассмотрела только рисунок: человек, перечёркнутое лицо, пустая рамка. Три стадии или три предупреждения. Лета знала достаточно, чтобы спрятать листок, но почему не уничтожила его? Возможно, потому что хотела оставить доказательство. Возможно, потому что уже не помнила, чего боялась.

За дверью послышался спор.

— Она моя сестра.

— Она имущество раскопа до решения распорядителя.

— Так запишите в свою книгу, что княжеский двор считает людей корзинами с известью.

Голос был молодой, низкий и сердитый. Стражник что-то пробормотал. В дверь ударили ладонью.

— Лета!

Анна встала. Сердце забило чаще не от узнавания — узнавать было нечего, — а от страха перед чужим ожиданием.

Засов отодвинулся. В комнату протиснулась невысокая женщина в тёмно-зелёном платье и короткой кожаной куртке. За её спиной маячил Дан. Он успел умыться, но на виске осталась полоса известковой пыли.

Женщина остановилась в двух шагах от Анны.

У неё были те же серые глаза, что отражались утром в тазу, тот же широкий разлёт бровей и ямка на подбородке. Только волосы она заплела в две тугие косы, а левую щёку пересекал тонкий старый ожог.

— Лета, — повторила она тише.

Анна не ответила.

Мара шагнула вперёд и обхватила её. Чужое тело дёрнулось раньше мысли: левая рука поднялась, будто хотела закрыть бок, а правая упёрлась Маре в плечо. Мара сразу отступила.

Надежда исчезла с её лица так быстро, что Анне стало больно.

— Ты никогда так не делала.

— Я предупреждал, — сказал Дан.

— Замолчи.

Мара смотрела на Анну, не моргая.

— Сними куртку.

— Зачем?

— Сними.

Анна расстегнула грубые кожаные пуговицы. Под рубахой ныл ушибленный бок. Мара подошла, оттянула ворот и коснулась пальцем маленького светлого пятна у ключицы.

— В семь лет она облилась кипящим молоком. Три ночи спала сидя. Кто держал её за руки, когда лекарь снимал повязку?

Анна молчала.

— Кто?

— Я не знаю.

— Как звали нашего первого кота?

— Не знаю.

— Что отец сказал Лете перед смертью?

— Не знаю.

Каждое признание било по Маре, но она продолжала, будто проверяла каменную кладку молотком и не имела права остановиться на удобном месте.

— Где мы прятались во время большого пожара? Почему она не ела печёные яблоки? Кому сломала нос на зимней ярмарке?

— Мара.

— Не называй меня так!

Она отшатнулась. Дан закрыл дверь, оставив стражников снаружи, но ближе не подошёл.

— Я знаю твоё имя от других, — сказала Анна. — И знаю, что ты сестра Леты. Больше ничего.

— Ударилась головой.

В голосе Мары снова появилась надежда, теперь упрямая и жалкая.

— Лекарь говорил, память может вернуться. Когда мама болела, она тоже путала дни.

— Я помню свою жизнь.

— После падения люди видят сны.

— Это не сон.

— Откуда ты знаешь?

Анна хотела сказать о Пскове, мастерской и телефоне на столе, но дверь под фреской уже забрала три крохотные части её прошлого. Произнести их здесь означало отдать чужим людям имена, которые могли стать рычагом. И всё же Мара имела право хотя бы на правду о теле сестры.

— Меня зовут Анна Левина. Мне тридцать четыре года. Я жила в городе Пскове и восстанавливала старые росписи. Вчера я работала в своей мастерской. Потом очнулась под лесами в теле Леты. Я не знаю, как это случилось.

Мара выслушала, запрокинув голову, словно Анна говорила с высоты.

— Тебе тридцать четыре?

— Да.

— Лете двадцать девять.

— Я знаю.

— Теперь знаешь. Дан рассказал по дороге?

— Наверное. Я уже не помню, от кого услышала возраст.

— Удобно.

Мара обошла Анну кругом. Та заставила себя стоять спокойно. Под таким взглядом осматривали вещь, принесённую с пожара: узнавали форму и боялись прикоснуться.

— Покажи руки.

Анна раскрыла ладони. На правом указательном пальце темнела въевшаяся синяя краска, на левом большом был свежий порез. Старые мозоли принадлежали Лете, но новые движения

уже меняли их: после двух часов с ножом кожа покраснела там, где Анна привыкла держать скальпель иначе.

— Лета грызла ноготь, когда врала, — сказала Мара. — Ты ни разу не коснулась рта.

— Я не хочу тебе врать.

— Тогда скажи, где она.

— Я не знаю.

— Она слышит нас?

— Не знаю.

— Ты видела её там, откуда пришла?

— Нет.

— Ты забрала её тело?

Последний вопрос прозвучал почти шёпотом.

Анна посмотрела на чужие ладони. Если отвечать только фактами, она очнулась там, где Лета умерла. Но факты не объясняли, почему одна женщина исчезла, а другая продолжала дышать её грудью.

— Я не выбирала этого. Но сейчас телом пользуюсь я. Тебе от этого не легче, и мне нечем оправдаться.

Мара ударила её по лицу.

Не сильно — скорее проверяя, отзовется ли знакомая сестра. Анна не подняла руки. Щёку обожгло.

— Лета ударила бы в ответ, — сказала Мара.

— Я не Лета.

Мара отвернулась. Плечи её дрожали, но она не плакала.

Дан подал ей кружку из кувшина. Мара не взяла.

— Ты привёл мне чужую женщину в коже сестры.

— Я привёл тебя к ней до того, как Кальн решит, какую историю рассказывать городу.

— А ты уже решил, что она говорит правду?

— Я решил, что она не знает того, что должна знать Лета, и умеет то, чего Лета не умела.

Остальное пока не знаю.

Такой ответ не защищал Анну и потому звучал надёжнее клятвы.

Мара наконец взяла кружку, но не пила.

— Что она умеет?

— Видеть, как держится штукатурка. Остановила второй обвал. Открыла часть лица.

— Лета тоже видела слои.

— Да. Она оставила рисунок.

Анна достала помятый лист. Дан нахмурился: он не знал, что находка осталась у неё.

Мара узнала бумагу прежде, чем рисунок.

— Это из нашей лавки. Я режу такие листы для счетов.

Она протянула руку, но Анна не отдала.

— На обороте надпись. Не читай её вслух и не повторяй про себя.

— Почему?

— После второго чтения я забыла фамилию матери.

— Своей матери?

— Своей.

— Как надпись может украсть слово?

— Так же, как открытый глаз забрал у Шима дорогу домой. Я пока не понимаю как.

Мара посмотрела на Дана.

— Шим правда заблудился?

— Я довёл его до Рыбных ворот. Он не узнал улицу, где живёт двенадцать лет. Жена ведёт его по зарубкам на стенах.

Мара поставила воду на скамью.

— Лета приходила ко мне позавчера. Просила приготовить два дорожных мешка и не спрашивать зачем. Сказала, если не вернётся до ночи праздника, я должна уйти из города.

— Почему ты не сказала это людям Ореста? — спросил Дан.

— Потому что она велела не говорить людям Ореста.

— А мне?

— Ты строишь для них леса.

Дан принял упрёк молча.

Анна положила рисунок на скамью лицом вверх.

— Она нарисовала человека, затем человека без лица и пустое место. Это предупреждение о цене фрески. Она пыталась сохранить снятый слой, а не уничтожить его. И кто-то перерезал её верёвку.

Мара побледнела.

— Мне сказали, она сама полезла на закрытую стену.

— Полезла. Но верёвка была надрезана заранее. Дан нашёл следы ножа.

— Ты видел?

— Да.

— И позволил увезти тело во дворец?

— Она шла своими ногами.

— Это тело Леты.

В комнате стало тихо.

Анна понимала обе стороны. Для Дана она была женщиной, способной решать. Для Мары — последним, что осталось от сестры, и одновременно доказательством её исчезновения.

— Я пойду с тобой после допроса, — сказала Анна.

Мара резко повернулась.

— Куда?

— В ваш дом. Если ты позволишь. Посмотрю вещи Леты, записи, всё, что она принесла со стены. Не чтобы притворяться ею. Чтобы понять, за что её убили.

— А если Кальн не отпустит?

— Тогда вынеси оттуда бумаги сама и спрячь в месте, которого Лета не знала.

— Почему не знала?

— Если изображение умеет идти по памяти, знакомое место небезопасно.

Мара впервые посмотрела на неё не как на чудовище и не как на воскресшую сестру, а как на человека, сказавшего нечто полезное.

— У тебя есть такое место? — спросила Анна.

— Теперь не скажу.

— Правильно.

За дверью звякнуло оружие. Чиновник потребовал закончить свидание. Дан ответил, что Мара опознаёт пострадавшую и имеет право составить заявление. Судя по паузе, такого права не существовало, но чиновник не хотел признавать это вслух.

Мара подняла рисунок за края.

— Это рука Леты. Она всегда делала верхнюю черту длиннее нижней. И эти рамки рисовала слева направо, даже если запись шла сверху вниз.

— Можешь оставить лист себе, но не читай оборот.

— Нет. Если меня обыщут, заберут.

Она вернула рисунок Анне.

— Лета оставляла мне записки под третьей ступенью погреба. Если там что-то есть, я принесу.

— Не сюда, — сказал Дан. — У дворца следят за всеми входящими.

— На старой красильне у канала, — решила Мара. — Там половина крыши упала, зато задняя дверь цела.

— Вечером.

— Ты не придёшь. Тебя знают.

— Тогда Ней.

Анна слушала их и чувствовала, как вокруг смерти Леты возникает первое маленькое соглашение. Не доверие — пока только общая осторожность. Этого было достаточно.

— Ещё кое-что, — сказала Мара. — Если ты правда хочешь помочь, не называйся Летой перед людьми.

— Не буду.

— Они всё равно назовут. Распорядителю удобно, если работница выжила и призналась в нарушении. Семье удобно, если сестра вернулась. Даже мне...

Она замолчала.

— Даже тебе хочется поверить, — закончила Анна.

— Не говори за меня.

— Хорошо.

— И одежду её не бери.

Анна посмотрела на куртку и рубаху.

— Другой у меня нет.

Мара стиснула зубы, поняв нелепость требования.

— Я принесу простую. А эту потом вернёшь.

— Верну.

— Волосы тоже её.

— Их вернуть не смогу.

— Я знаю.

На этот раз в голосе Мары была не злость, а такая усталость, будто она за несколько минут прожила похороны, надежду и вторые похороны.

Анна осторожно спросила:

— Как вы прощаетесь с умершими?

Мара прижала кулак к губам.

— Три ночи горит лампа. Имя пишут на глине и ставят у воды. Потом табличку разбивают, чтобы мёртвый не искал свою дверь среди живых.

— Для Леты этого не сделали.

— Тела не было.

— Тело есть. Нет человека.

Мара снова занесла руку, но не ударила.

— Ты не имеешь права хоронить её.

— Я и не предлагаю решать за тебя. Я хочу, чтобы её смерть не спрятали ради моего появления.

— Откуда тебе знать, что она умерла?

— Неоткуда. Но если она вернётся, я отдам ей всё, что смогу. Пока этого не случилось, нельзя позволять Оресту говорить, будто Лета упала случайно и ничего не нашла.

Дан подошёл к двери.

— Время.

Мара выпрямилась.

— Я составлю заявление о перерезанной верёвке.

— Его не примут, — сказал Дан.

— Тогда составлю три. Одно отнесу городской страже, одно храмовым писцам, одно при-
бью к воротам раскопа.

— После первого за тобой придут.

— Пусть сначала найдут, где я сплю.

Она говорила уже не с Анной, а с делом, которое оставила ей сестра. Анна увидела семей-
ное сходство не в лице, а в упрямстве: Лета полезла ночью на закрытую стену, Мара собиралась
спорить с дворцом при помощи трёх листов бумаги.

— Запиши ещё потерю Шима, — сказала Анна. — Не только что он забыл дорогу. Пусть
жена перечислит, что сохранилось: лица, ремесло, названия улиц. И мои утраты тоже.

— Какие?

— Запах материнского шарфа. Фамилия коллеги. Фамилия матери.

Мара долго смотрела на неё.

— Как зовут мать?

— Елена.

— Отчество?

Анна открыла рот.

Имя должно было прийти сразу. Она много раз заполняла документы, подписывала дове-
ренности, заказывала матери лекарства. Елена...

Пустота.

Анна прислонилась к стене.

— Я не помню.

— У стены забыла?

— В повозке я не проверяла отчество. Не знаю, когда оно исчезло.

Она принялась искать другие детали. Мать ставила сахарницу на верхнюю полку. Носила
серый берет. Смех начинался тихим кашлем. Всё оставалось на месте, но имя сокращалось,
как адрес, из которого стирали улицу и номер дома.

— Запиши сейчас, — велел Дан.

Ни у кого не было бумаги. Мара вытащила из кармана узкую дощечку, покрытую воском,
и костяной штифт.

— Говори.

Анна перечисляла. Мара выдавливала строки мелко и быстро. Затем попросила описать
Псков, мастерскую, красную кружку и Ирину. Анна отвечала, пока за дверь чиновник не
начал угрожать страже взысканием.

— Дай прочитать, — попросила Анна.

Мара прижала дощечку к груди.

— Нет.

— Почему?

— Ты сказала, слова со стены крадут память. Откуда мы знаем, что записанные воспо-
минания не сделают то же самое?

Анна не знала. Она испытала облегчение: Мара не просто поверила ей, а сразу нашла
слабое место в её решении.

— Сделай копию обычными чернилами. Одну спрячь. Вторую пусть Дан читает мне
вслух по одному пункту, не показывая лист целиком. Если после этого что-то изменится, срав-
ним.

— Ты хочешь поставить опыт на себе?

— Он уже идёт. Лучше замечать, когда платим.

Мара убрала дощечку.

— Я сохраню твоё имя, Анна Левина. Не ради тебя. Чтобы никто не заставил тебя жить именем моей сестры.

— Этого достаточно.

— Нет. Достаточно было бы вернуть Лету.

Она открыла дверь. Чиновник тут же шагнул внутрь, но отступил перед её взглядом.

— Опознали? — спросил он.

— Тело — да, — ответила Мара. — Женщину — нет.

— После удара память помутнела. В записях оставим имя Лета Варын.

— В записях оставите: тело Леты Варын, назвавшаяся Анной Левиной. Иначе к вечеру весь Нижний рынок узнает, что дворцовые писцы не различают тело и человека.

Чиновник покраснел.

— Вы угрожаете княжескому двору?

— Я помогаю вам написать без ошибки.

Мара вышла. Дан задержался.

— Орест во внутренней галерее. Села потребовала, чтобы стену осмотрели до разговора с вами.

— Это хорошо или плохо?

— Это даёт нам четверть часа. И ещё: у восточных ворот видели человека с перевязанной правой рукой. Он пытался продать нож с меткой Леты.

— Ней говорил, её нож был в корзине.

— Один был. Мара утверждает, что у Леты их два.

— Найдите продавца.

— Уже ищут. Но если он подставной, нас поведут именно туда, куда хочет Орест.

Анна кивнула. Слишком удобный запах масла, слишком удобный нож. Кто-то раскладывал улики, словно цветные камни на рисунке, и рассчитывал, что зритель увидит только приготовленное изображение.

Дан коснулся белого прямоугольника на стене костяшкой пальца.

— Здесь что-то было.

— Не трогайте.

— Я и не собирался.

Он присел, посмотрел на нижний край заплаты и провёл ладонью над полом, не касаясь пыли.

— Следы от щётки. Комнату мели сегодня.

Анна встала рядом. У плинтуса сохранилась крошечная синяя крупинка. Такой же пигмент лежал в чашке Леты. Она не подняла её.

— Меня посадили сюда не случайно.

— Проверяют, откроете ли вы стену?

— Или что я забуду, пока жду.

Дан выпрямился и постучал в дверь.

— Переведите её в коридор.

Стражник рассмеялся.

— Распорядитель велел держать здесь.

— Тогда остаюсь я.

— Посетителям пора уходить.

— Я хранитель лесов и свидетель падения.

— Здесь нет лесов.

— Зато есть свежая штукатурка над старой живописью. Если она упадёт на задержанную, в отчёте появится ваше имя.

Смех за дверью прекратился. Через минуту пришёл старший стражник. Он осмотрел заплату издали и велел вывести Анну. Дворец боялся не магии, а испорченного отчёта.

В коридоре Мары уже не было. На каменном полу лежала маленькая глиняная пластинка, разломанная пополам. На одной половине Мара успела процарапать имя: «Лета Варын». Вторую оставила чистой.

Анна подняла обе части.

Она не знала, было ли это началом погребального обряда, обещанием или испытанием. Сложила половинки вместе, завернула в ткань с рисунком и спрятала во внутренний карман.

Когда её повели по лестнице к Оресту Кальну, она повторяла уже два ряда имён.

Анна Левина. Елена. Ирина. Псков.

Лета Варын. Мара Варын. Шим. Дан Ровен.

Первый ряд удерживал дверь домой. Второй не позволял сделать чужой город пустым местом, за которое никто не отвечает.

Глава 4. Хранитель лесов

Орест Кальн принял Анну не во внутренней галерее, а в комнате перед ней. Между двумя дверями стоял длинный стол, заставленный подносами с кусками штукатурки. На каждом обломке чернилами был написан номер. Анна машинально искала глазами дату, место находки, глубину слоя, имя того, кто снял образец. Ничего этого не было.

Сам придворный маг сидел у окна. Ему было за пятьдесят, но седина шла только узкими полосами от висков, словно он и её держал в положенных границах. Чёрный кафтан без вышивки делал его похожим не на колдуна, а на начальника большой мастерской, который никогда не пачкает рук. Села Ард стояла за его плечом. Под ногтями у неё синела краска.

— Лета Варын, — сказал Орест.

— Анна Левина.

Он не поправил её и не удивился.

— Вы открыли глаз на северной стене.

— Расчистила небольшой участок. Глаз открылся сам, когда намок старый слой.

— Слова часто служат трусости. «Открылся сам», «камень упал», «память исчезла».

Будто рядом не было руки.

— Рука была. Поэтому я хочу знать, что она сделала.

Орест взял с подноса серый обломок. На нём виднелась половина синей линии.

— Вы умеете отличать старую работу от новой?

— Иногда. Если дадите свет и позволите коснуться края.

— А если не позволю?

— Тогда смогу убедительно угадать. Наверное, вы вызываете меня не ради этого.

Села едва заметно улыбнулась. Орест положил обломок на место.

— До праздника тридцать дней. Князю нужен открытый путь через центральную стену.

Лета была простой работницей и мешала делу, которое не понимала. Вы, судя по рассказу Селы, понимаете больше. Продолжите её работу.

— На каких условиях?

— Вы получите жильё, плату и доступ к стенам. Если путь способен привести вас туда, откуда вы явились, мы его найдём.

Анна посмотрела на Селу. Та не отвела глаз, но и не подтвердила обещание.

— Какую память забрал последний фрагмент?

— У кого?

— У всех, кто находился рядом. Вы записывали потери после прежних открытий?

— Люди забывают каждый день. Иногда им проще обвинить стену.

— Тогда почему меня ждали в комнате со свежей заплатой поверх живописи?

Взгляд Ореста остался спокойным. Спокойствие было слишком полным: вопрос не застал его врасплох.

— Дворец стар. Здесь почти каждая новая стена стоит на старой.

— И почти в каждой комнате на полу синий пигмент?

Села переставила чашку на подносе. Фарфор тихо стукнул о дерево.

— Вы устали после падения, — сказал Орест. — Я не требую решения сегодня. Дан покажет вам раскоп и проверит, способны ли вы работать наверху. Если окажется, что тело Леты помнит высоту лучше, чем вы, это сбережёт нам время.

— А если я откажусь?

— Тогда тело погибшей работницы вернут семье. Вас же придётся передать храмовым лекарям. Они любят явления, которым не находят имени.

Угроза прозвучала ровно, почти заботливо. Анна не сомневалась, что у храмовых лекарей найдутся запертые комнаты и множество способов отделить явление от тела.

— Я осматрю стены, — сказала она. — Но ничего не дорисую, пока не пойму цену.

— Осмотр — начало всякой работы.

Орест протянул ей деревянный жетон с княжеским знаком. На обороте было вырезано число тридцать. Когда Анна взяла его, маг придержал край двумя пальцами.

— Дом бывает настойчивее человека, госпожа Левина. Иногда достаточно увидеть дверь, чтобы все условия показались мелкими.

Он назвал её настоящим именем впервые. Анна почувствовала не признание, а ловко затянутую петлю.

Во дворе Дан ждал с мотком верёвки на плече и двумя поясами в руках. Один был старым, с потемневшими медными кольцами, второй — новым, из широкой серой тесьмы.

— Что он предложил?

— Путь домой в обмен на работу.

— И что вы ответили?

— Что осматрю стены.

— Значит, предложил хорошо.

Анна остановилась.

— Если хотите спросить, собираюсь ли я бросить вас всех ради двери, спросите прямо.

— Я хотел узнать, умеете ли вы завязывать верхнюю петлю.

Он протянул ей старый пояс. Анна повертела его в руках. От двух боковых колец шли короткие концы верёвки. На её работах страховочные системы выглядели иначе, но смысл оставался знакомым.

— Покажите, куда крепить.

— Нет. Сначала покажите, как стали бы делать у себя.

Она продела конец через кольцо, обвела вокруг основной верёвки, сделала узел, который затянулся бы под нагрузкой, и оставила достаточно хвоста, чтобы тот не выскочил. Дан дёрнул узел, затем молча распустил.

— Плохо?

— Для ведра хорошо. Для человека слишком туго затянется на кольце. После падения вас пришлось бы вырезать вместе с поясом.

Он сложил верёвку двойной петлёй и провёл конец так, чтобы нагрузка легла на две ветви. Движения были медленными только первый раз. Второй узел возник у него в пальцах прежде, чем Анна успела проследить порядок.

— Ещё раз, — попросила она.

Дан показал. На третий раз она повторила сама.

— Теперь выдержит?

— Узел — да. Осталось выяснить, выдержите ли вы.

Они вышли из дворцового двора через ворота для телег. Дан шёл быстро, не оглядываясь, но выбирал улицы, где двое могли держаться рядом. Анна впервые увидела Астэр не сквозь решётку повозки.

Верхний город был сложен из светлого камня. Фасады стояли ровно, окна шли рядами, водосточные желоба блестели свежей медью. Однако возле каждого угла из земли выступало что-то чужое: чёрная колонна без вершины, ступень, уходящая под мостовую, арка ниже человеческого роста. Новые дома не столько выросли на руинах, сколько притворялись, что руины служат им фундаментом по доброй воле.

Улица спускалась к рынку. Светлый камень кончился внезапно, будто строители провели черту. Ниже дома были сложены из красных широких кирпичей, между которыми белел толстый раствор. Окна не совпадали по высоте: одни смотрели на мостовую, другие прятались под

навесами. В стене пекарни Анна заметила заложенный проём, обведённый выцветшей зелёной каймой.

— Второй город? — спросила она.

— Средний слой, — ответил Дан. — Его строили после того, как нижний затопило. Большая часть жилых кварталов отсюда. Дворец наверху моложе.

— А нижний?

Вместо ответа он свернул под навес красильщика. За чанами с багряной водой начиналась лестница. Двадцать ступеней вниз, поворот, ещё десять. Воздух стал холодным и пахнул мокрым камнем. Они вышли на узкую площадку над тёмным каналом.

Здесь стоял третий Астэр.

Крыши его домов служили основанием для подвалов среднего города. Над водой тянулись мостки, в чёрной глубине угадывались двери и резные наличники. Местами стены покрывала живопись: лодки с высокими носами, жёлтые птицы, люди в белых плащах. Краски сохранялись там, куда не попадал дневной свет.

— Нижний город не погиб? — спросила Анна.

— В нём живут лодочники, сборщики и те, кому не хватает денег на сухой дом. Во время весенней воды уходят наверх. Иногда не успевают.

По каналу проплыла плоская лодка. Женщина на корме подняла фонарь и поздоровалась с Даном. Он ответил по имени.

— Три слоя, — сказала Анна. — Но все заняты живыми людьми.

— Орест называет нижний руинами, средний — помехой, верхний — городом.

— А вы?

— Если кто-то сушит носки у окна, это уже не руины.

Он показал на деревянные леса, прижатые к стене над каналом. Стойки поднимались из лодок, связанных попарно. Поперечины были стянуты верёвкой. Ни одного железного гвоздя.

— Ваши?

— Моих людей. Здесь дерево должно двигаться вместе с водой. Если закрепить намертво, первая волна сломает стойки.

Анна поднялась по лестнице лесов на один ярус. Дан пошёл следом, не подсказывая, куда ставить ноги. Доска под подошвой качнулась. Тело Леты напряглось знакомо: колени согнулись, левая рука сама нашла стойку. Но равновесие было только частью работы. Анна проверила настил носком, перенесла вес и лишь тогда сделала второй шаг.

— Лета ходила быстрее, — заметил Дан.

— Она знала эти леса.

— Она не смотрела под ноги.

— Поэтому я здесь вместо неё.

Он помрачнел, но спорить не стал.

На втором ярусе Дан велел ей закрепить пояс. Анна повторила узел. Потом он отвязал одну поперечину и попросил определить, какая из четырёх верёвок держала её раньше. Три были тёмными и гладкими от воды, четвёртая казалась новее.

Анна не стала выбирать сразу. Провела пальцем по дереву. На стойке остались две неглубокие борозды от старой петли. Новая верёвка лежала бы выше и не совпала с ними.

— Эта, — сказала она, указывая на самую потрёпанную.

— Почему?

Она показала следы.

— Верёвка растянута неравномерно. Здесь светлая полоса, значит, внутренняя сторона петли была закрыта от грязной воды. А у новой нет изгиба нужного размера.

Дан кивнул.

— Леса вы читать умеете.

— Я читаю следы. Это моя работа.

— Камень не врёт?

— Ещё как. Только его ложь тоже кто-то сделал руками.

Они вернулись наверх другой лестницей. Теперь Дан вёл её через дворы и служебные проходы. Он показывал не достопримечательности, а опоры. Под домом сборщика податей старая колонна была обложена новым кирпичом. У храма трещина шла точно по границе двух кладок. На площади фонтан стоял над круглым отверстием, прикрытым решёткой; снизу доносился шум воды.

— Цистерна? — спросила Анна.

— Одна из двенадцати. Вода соединяет нижний город с верхним. Синие мастерские строят рядом с колодцами не ради удобства.

— Вы знали про воду и пигмент.

— Знал, что после дождя стены ведут себя хуже. Про память не знал.

— Ваш отец погиб при открытии?

Дан остановился так резко, что идущий сзади мальчик с корзиной едва не врезался в него.

— Кто сказал?

— Никто. Вы смотрите на стены не как строитель. Как человек, который знает, что они могут отнять.

— Хороший строитель всегда так смотрит.

Он продолжил путь. Ответа не было, но молчание подтвердило достаточно.

Северный раскоп окружала высокая дощатая ограда. У ворот толпились рабочие: никто не хотел подниматься после вчерашнего обвала. Шим сидел на перевернутой корзине. Жена привязала к его запястью шнур с деревянными пластинками. На каждой была выжжена стрелка и название улицы.

Увидев Анну, он поднялся.

— Госпожа со стены. Мне сказали, вы вернёте дорогу.

— Я не знаю, можно ли её вернуть.

— Кальн сказал, можно. Надо закончить лицо.

Все вокруг прислушивались. Легче было пообещать надежду, чем признать незнание, но Анна уже видела, как обещание Ореста превращало человека в добровольную плату.

— Кальн не знает этого наверняка. Пока мы не поймём, что берёт стена, лицо заканчивать нельзя.

— А мне что делать?

Она взяла одну пластинку. На ней было выжжено: «От ворот направо до башни».

— Учить дорогу иначе. По запахам, звукам, числу шагов. И записывать, что ещё помните.

Не ради стены — ради себя.

Шим забрал пластинку.

— Лета говорила почти то же. Только она обещала, что доберётся до причины.

— Поэтому кто-то перерезал ей верёвку.

Дан повернулся к ней.

— Не здесь.

— Именно здесь. Люди должны знать, что это был не несчастный случай.

По толпе прошёл шёпот. Шим посмотрел на леса, будто впервые увидел в них не высоту, а чужое намерение.

Дан распахнул ворота.

— Тогда докажем.

На площадке всё осталось почти как после обвала. Упавшие доски сложили в стороне, но не убрали. Дан запретил трогать их до осмотра. Он выдал Анне мел, тонкую нить и деревянные колышки.

— Покажите, где стояла Лета перед падением.

Анна вспомнила первое пробуждение: пыль во рту, балка на груди, перевёрнутые лица наверху. Память начиналась уже под обломками. Зато тело хранило синяки. Она ощупала правое бедро, левое плечо, ребро под грудью.

— Сначала ударилась правым боком, потом плечом. Значит, падала не прямо спиной. Крутилась.

— Верёвка держала мгновение после срыва, — сказал Дан. — Потом оборвалась.

Он подвёл её к стойке. На высоте груди дерево было надрезано. Не глубоко, всего на толщину ногтя.

— Это не от верёвки, — сказала Анна.

— Метка Леты. Она ставила такую перед подъёмом, чтобы заметить, если стойку передвинут.

Анна приложила к зарубке край жетона Ореста. Стойка стояла теперь на пол-ладони правее старого следа на камне.

— Её передвинули.

— После метки и до подъёма. Смотрите выше.

На поперечине сохранилась серая пыль. В ней отпечатались две петли: одна узкая, другая широкая. Дан наложил оборванную верёвку. Она подходила к широкой.

— Кто-то сначала привязал её правильно, — поняла Анна. — Потом снял и положил иначе.

— Без верхнего оборота. Так пояс кажется закреплённым, пока человек не откинется от стены.

— Но верёвка ещё и надрезана.

— Чтобы она оборвалась после рывка. Иначе Лета повисла бы внизу и увидела неправильный узел.

Анна представила последовательность. Лета ставит метку на стойке. Уходит за раствором или спускается на обед. Кто-то передвигает опору, перевязывает страховку и делает надрез. Это не вспышка злости. Убийца знает привычку Леты, устройство лесов и время, когда никто не смотрит.

— Доступ был у ваших людей.

— И у дворцовой стражи. И у мастеров Ореста. Но узел завязал человек, которого учили на дворцовых работах.

— Почему?

Дан показал на свободный конец. Волокна были расплющены в одном месте.

— Мы оставляем хвост в ладонь и обматываем его тонкой бечевой. Во дворце конец зажимают медной скобой, чтобы на парадных лесах не болталась бахрама. Здесь скобу сняли, но зубец оставил вмятину.

— Убийца принёс готовую верёвку с дворцовых лесов.

— Или взял её там. Эту стойку тоже передвигали дворцовым способом: рычагом за нижнюю поперечину. Мои работники подняли бы её вдвоём, и след был бы с обеих сторон.

Анна присела возле основания. На камне тянулась дуга от рычага. В конце борозды темнела зелёная крупица.

— Медь?

Дан поддел её ножом и положил на белый лоскут. Кусочек оказался не металлом, а воском, окрашенным зеленью.

— Дворцовые смотрители запечатывают склад верёвок, — сказал он. — Такой воск на дверях внутреннего двора.

— Слишком удобная улика.

— Как второй нож Леты?

— Да. Если убийца умеет устроить падение, он умеет оставить цветную крошку там, где её найдут.

Дан завернул воск, не касаясь его пальцами.

— Поэтому проверим не цвет, а состав. У красильщиков зелёный воск делают с толчёной медью, дворцовый — с соком крушины. Вид одинаковый, запах разный, когда нагреешь.

— Вы не только леса читаете.

— Я читаю людей, которые на них лезут.

Он поставил лестницу к уцелевшему ярусу.

— Последняя проверка.

Наверху стену закрывали полотнища. Ветер наполнял их, как паруса. Дан закрепил свою верёвку вокруг главной стойки и велел Анне выбрать точку для своей.

Ближайшая поперечина выглядела надёжной. Анна потянулась к ней, но остановилась. Дерево было сухим, ровным, без трещин. Слишком новым среди старых серых балок.

Она постучала костяшкой. Звук получился глухим. Соскоблила ногтем каплю смолы у края и увидела под ней маленькое круглое отверстие.

— Жук?

— Старые ходы залили смолой, — сказал Дан. — Снаружи красиво. Внутри труха.

Анна выбрала главную стойку, но не ту же петлю, что Дан: две страховки на одном узле могли сорваться вместе. Она обвела верёвку ниже, проверила натяжение и только потом вышла на настил.

Дан толкнул доску ногой.

Мир качнулся. Чужое тело рванулось к стене, пальцы вцепились в край полотна. Анна услышала собственный вскрик и на мгновение снова оказалась под балкой, в известковой тьме. Ноги перестали слушаться.

— Смотрите на узел, — сказал Дан.

Она не могла повернуть голову.

— Анна. Не вниз. На узел.

Он впервые назвал её по имени без паузы.

Анна увидела две ветви верёвки, свой узел и ладонь хвоста. Всё оставалось на месте. Она заставила правую руку отпустить полотно, потом левую. Пояс держал.

— Вы нарочно качнули доску.

— Да.

— Могли предупредить.

— Тогда я проверил бы, умеете ли вы слушать предупреждения. Мне надо было узнать, что вы делаете после испуга.

Злость вернула ногам силу. Анна развернулась к нему.

— А мне надо знать, предупреждает ли напарник перед опасным движением. Не предупреждает. Проверку вы провалили.

Дан моргнул.

— Я стоял рядом.

— Лета тоже работала рядом с людьми. Кто-то из них приготовил её падение. Если мы собираемся подниматься вместе, никаких тайных испытаний. Вы говорите, что делаете. Я говорю, если не понимаю. Любой из нас может остановить работу.

Внизу рабочие делали вид, что не слушают.

Дан отвязал страховку и сошёл на настил рядом с ней.

— Справедливо. Я не должен был качать без слова.

Анна ожидала оправданий, но он ограничился признанием.

— И ещё, — сказала она. — Никто не трогает участок один. Ни ночью, ни по приказу Ореста.

— Согласен.

— Перед подъёмом двое проверяют стойки и меняются местами. Один проверяет узлы другого.

— Согласен.

— Все изменения отмечаем не только зарубкой. Рисуем леса утром и вечером. Если балку сдвинули, это будет видно.

— Рисовать будете вы.

— Научу ещё троих. Запись, которую умеет читать один человек, слишком легко убрать вместе с человеком.

Дан посмотрел на стену за полотном.

— Так говорила Лета.

— Что именно?

— Она хотела научить Шима и Нея снимать копии каждого слоя. Я ответил, что рабочим платят за скорость, не за рисунки.

В голосе не было просьбы простить его. Только факт, который он больше не хотел прятать.

— Когда она поставила метку на стойке?

— Вечером перед падением. Я видел. Потом Орест вызвал меня на южную башню: там будто бы разошлась опора. Опора оказалась целой. Пока я ходил, склад открывали по приказу Селы.

— Села была здесь?

— Утверждает, что печать её, а приказ поддельный.

— Вы верите?

— Я верю следам. Они говорят, что меня увели со стены, склад открыли законным знаком, а убийца знал наши узлы. Имя они пока не говорят.

Анна подняла край полотна. За ним древнее лицо смотрело одним расчищенным глазом. Вторую половину покрывали поздняя штукатурка и бурые пятна. Синий контур века казался ярче, чем вчера.

Возле самого края кто-то процарапал тонкую линию. Не случайная царапина: три коротких штриха, один длинный, два коротких. Анна видела похожие метки на снятом Летой куске ткани.

— Дан, она оставила здесь запись.

Он приблизился, но Анна подняла ладонь.

— Не читать вслух. Сначала копия.

Она достала мел и перенесла штрихи на тёмную досочку. Ни один знак не сложился в слово, и память не дрогнула. Потом осмотрела край под косым светом. Царапины продолжались под поздним слоем.

— Это не запись, — сказала она. — Это граница. Лета отметила участок, который уже снимали и вернули на место.

— Кто?

— Тот, кто имел время отделить целый пласт, что-то сделать под ним и приклеить обратно. Падение должно было уничтожить стену и скрыть шов.

Анна провела пальцем над поверхностью, не касаясь. За поздней заплатой находилось не только древнее лицо. Там пряталась чья-то работа, выполненная недавно и очень тщательно.

Внизу Шим позвал Дана. У ворот появился дворцовый посыльный с чёрной перевязью. Он требовал передать найденный воск Оресту и немедленно продолжить расчистку.

Дан не спешил спускаться.

— Если откажемся, нас заменят.

— Поэтому не откажемся. Объявим стену опасной и начнём укрепление. Оно тоже работа.

— Сколько времени нужно?

— Столько, сколько понадобится, чтобы снять копию шва и найти, куда ведёт граница.

— Орест назначил тридцать дней.

Анна сжала в кармане деревянный жетон.

— Значит, сегодня у нас первый.

Они спустились вместе. Дан собрал рабочих у основания лесов и повторил новые правила так, будто придумал их сам только затем, чтобы начальство не спорило с чужачкой. Но последнюю фразу оставил Анне.

Она подняла дощечку с копией меток.

— Лета погибла не потому, что плохо закрепилась. Кто-то передвинул стойку, перевязал и надрезал верёвку. Этот человек рассчитывал, что обвал уничтожит следы. С этого дня ни одна рука не работает здесь без второй пары глаз. И ни один найденный слой не исчезает без копии.

Посыльный Ореста потребовал доказательств. Дан показал след рычага, две петли в пыли и вмятину от дворцовой скобы. Рабочие подходили по одному, смотрели и отходили молча. Следы были малы, но вместе складывались в ясную картину.

Анна поняла, почему Орест боялся не её знаний о красках. Один мастер мог ошибиться, солгать или исчезнуть. Людей, научившихся смотреть вместе, было труднее заставить забыть одно и то же.

Над лесами шевельнулось полотнище. На мгновение показалось, будто открытый глаз следит за ними. Анна не отвернулась.

Теперь у неё был не только путь домой, обещанный врагом, и не только тело женщины, чью жизнь оборвали. У неё появилась работа, которую Лета не успела закончить: сделать так, чтобы стена и люди больше не оставались наедине.

Глава 5. Краска из памяти

Зелёный воск пах крушиной.

Дан нагрел иглу над лампой и коснулся ею найденной крупы. По мастерской поплыл горьковатый запах мокрой коры. Старый красильщик Тевр, которого привели как свидетеля, понюхал дым и уверенно кивнул.

— Дворцовый. Наш с медью щипал бы нос и дал зелёный огонь.

Посыльный Ореста потянулся забрать свёрток. Дан накрыл его ладонью.

— Получите копию записи.

— Распорядитель требует вещественное доказательство.

— Доказательство нашёл я на моих лесах. Оно останется у храмовых писцов до разбора.

— Вы ставите слово плотника выше приказа двора?

— Я ставлю кусок воска туда, где его не потеряют по приказу двора.

Тевр хмыкнул, будто услышал удачную торговую сделку. Анна записала результат на двух дощечках: место находки, цвет, запах при нагревании, имена четырёх свидетелей. Одну Дан отдал красильщику, вторую спрятал в ящик с верёвками. Сам воск завернули в чистое полотно.

Это ещё не называло убийцу. Дворцовый воск мог вынести любой служащий. Но теперь маленькая зелёная точка перестала быть слухом, которым удобно пользоваться до первого неудобного вопроса.

У стены работали без лесов. Дан объявил верхние ярусы опасными, пока не заменят две стойки и все верёвки из открытого склада. Орест прислал письменное требование продолжить расчистку. Анна ответила на обороте: «Продолжаем укрепление основы». Он хотел скорость, она давала ему слова, против которых нельзя возразить, не признавшись в желании нового обвала.

На земле поставили длинный стол. Поверх него разложили рисунки позднего слоя. Ней копировал шов, найденный под полотнищем. Шим подписывал части стены, сверяясь с деревянными пластинками на запястье. Иногда он забывал, как пройти от стола к воротам, хотя расстояние было в двадцать шагов, и тогда замирал, разглядывая людей с виноватым выражением.

Анна запретила вести его под руку без спроса. Вместо этого они протянули по площадке тонкий шнур. Один узел означал стол, два — ворота, три — лестницу. Шим нашупывал узлы и шёл сам.

— У вас дома тоже стены едят дороги? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем вы всё это умеете?

— Мы тоже теряем память. Только обычно медленнее и без синей краски.

Утром из среднего города пришёл старый мастер по имени Рат. Он много лет готовил штукатурку для дворцовых росписей, потом поссорился с Орестом и открыл маленькую мастерскую у Часовой площади. Спина у него была согнута, усы пожелтели от трубочного дыма, а пальцы оставались удивительно сильными.

Он принёс три мешочка извести и, не поздоровавшись, попробовал ногтем край фрески.

— Сухо, — сказал он. — Кто велел открыть полотно?

— Я, — ответила Анна.

— Значит, ты и загубишь лицо.

— Если закрыть влажную стену, соль выйдет под краской.

— Если держать открытой, солнце вытянет воду раньше, чем схватится раствор.

— Поэтому открываем до полудня и ставим влажную ткань с внутренней стороны навеса.

Рат посмотрел на неё внимательнее.

— Лета таких слов не знала.

— Я не Лета.

— Уже слышал. Мара Варын прибила заявление к воротам. Полгорода читает, вторая половина пересказывает неверно.

Он развязал мешочки. В первом лежала белая известь, во втором — мелкий серый песок, в третьем — толчёный кирпич.

— Для нижнего слоя, среднего и верхнего, — объяснил Рат. — Если смешаешь, через год всё отвалится. Если Орест скажет смешать, отвалится через два, потому что его приказ крепче извести.

Анна улыбнулась.

— Мне нужен раствор только для края шва. Без живописи.

— Распорядитель велел завершить малый знак.

Он вынул из-за пазухи сложенный лист с печатью. На стене ниже лица находился незавершенный прямоугольник, похожий на дверную раму. Недоставало участка длиной в ладонь. Если заполнить его синим, линия замкнулась бы.

— Не будем, — сказала Анна.

— Тогда придут другие и сделают без тебя.

— Поэтому сначала выясним, что именно замкнётся.

Рат провёл пальцем над линией.

— Переход на Часовую площадь. Я открывал его двадцать два года назад.

Дан перестал перебирать верёвки.

— При вашем открытии погиб мастер Ровен?

Старик перевёл взгляд на него.

— Твой отец погиб через три дня. Сам проход никого не убил.

— Он перестал узнавать балки. Поставил ногу на гнилую доску.

— Он был упрям и не признался, что что-то забыл.

— Что именно?

Рат набил трубку, но не зажёг.

— Не помню.

Ответ мог быть правдой или уклонением. Анна попросила рассказать, как открывали знак. Рат описал известковую подкладку, синюю линию, воду из северной цистерны. Когда рамка замкнулась, стена стала прозрачной. За ней оказалась Часовая площадь — не отражение и не картина, а настоящий проход. Рабочие переносили через него камень, сокращая путь на полчаса. Через неделю линия осыпалась, и дверь исчезла.

— Кто-нибудь что-то потерял? — спросила Анна.

— Все что-нибудь теряют.

— После открытия.

— Отец Дана путал породы дерева. Одна женщина забыла песню. Я три дня не мог вспомнить, где купил трубку.

— Почему вы не связали это со стеной?

— Потому что молодой человек скорее назовёт себя пьяным, чем признает, что рисунок вынул у него знание из головы.

— Сейчас вы верите?

Рат посмотрел на незавершённую линию.

— Сейчас я хочу пройти на площадь. Моя жена держит там лавку. Из-за перекрытых улиц мне приходится обходить Верхний рынок. Ноги уже не те.

Анна поняла, почему Орест послал именно его. Не приказ, не угроза, а старик с больными коленями и памятью прежнего открытия. Если она откажет, то будет защищать людей от опасности, которой они сами не видят, ценой их обычной жизни.

— Малый знак можно закончить обратимо, — сказала она. — Нанесём новую линию не на древний слой, а на тонкую известковую вставку. Если что-то начнётся, снимем её целиком.

— Копия не открывает, — напомнил Дан.

— Это будет не копия. Мы дополним утрату внутри оригинальной рамы, но отделим дополнение слабым слоем. Так реставрацию можно удалить, не трогая древнюю краску.

— А если дверь откроется сразу?

— Никто не входит. Сначала проверяем память.

Рат засмеялся.

— Как? Спросишь каждого, как звали мать?

— И это тоже.

Анна приготовила лист. Каждый присутствующий назвал пять вещей, которые легко проверить и которые были связаны с Часовой площадью. Дан записал: дорога к мастерской отца, колокол над восточной аркой, запах пекарни, имя часовщика, трещина на каменном льве. Ней перечислил торговцев. Шим не смог описать дорогу, зато помнил, как жена покупала там красные ленты. Рат назвал жену — Вея, — зелёную дверь её лавки, сундук под прилавком, серебряную пряжку и день их первой встречи.

— Где встретились? — уточнила Анна.

— На той же площади. Она облила меня водой из окна.

— Почему?

— Я свистел ей третий день.

— Достойная причина.

Рат усмехнулся и впервые стал похож не на старого мастера, а на молодого нахала из собственной истории.

Анна добавила свои пять опор: Псков, мастерская, красная кружка, имя матери Елена, имя коллеги Ирина. Фамилию Ирины она уже потеряла, отчество матери тоже. Писать пустые места было страшнее, чем перечислять сохранившееся.

Дан поставил перед стеной ведро с водой.

— Из какой цистерны?

— Из южной, — ответил Ней. — Северную Анна запретила.

— Проверяли?

Ней показал дощечку водоноса. С этого утра вся вода имела происхождение.

Рат смешал известь с песком. Анна добавила немного толчёного кирпича, чтобы вставка отличалась от древней основы. Они заложили утрату тонко, не доходя до краёв старой синей линии. Раствор должен был подсохнуть до состояния плотной кожи.

Пока ждали, Мара передала через Ней свёрток с одеждой и записку. Под третьей ступенью погребца она нашла пустую жестяную коробку. На крышке изнутри было нацарапано: «Если пусто — ищи там, где город смотрит вниз». Других бумаг не осталось.

Анна переписала фразу, не читая её второй раз про себя. Обычные слова не действовали, но после потери материнского отчества она не доверяла даже собственной осторожности.

— Где город смотрит вниз? — спросил Ней.

— Башня, — предположил Шим.

— Колодец, — сказал Рат.

Дан посмотрел на открытый глаз фрески.

— Стена над нижним городом.

Анна спрятала записку. Загадку Леты придётся решать позже. Раствор уже схватился.

Синий пигмент лежал в маленькой каменной чашке. Рат принёс старый азурит, растёртый из камня, Анна — образец из корзины Леты. Под дневным светом оба порошка казались одинаковыми. Она насыпала крупицу каждого на белую плитку и капнула воды. Пигмент Рата остался зернистым. Пигмент Леты расплылся тонким кольцом, будто в нём было масло.

- Что добавлено? — спросила она.
Рат растёр каплю пальцем и лизнул.
— Не смейте!
Он выплюнул и вытер язык рукавом.
— Соль. И что-то сладкое.
— Кровь? Мёд?
— Не мёд.

Анна понюхала сухой порошок. Запах был слабый, пыльный. Под ним чудилось что-то знакомое: высохшие яблоки, тёплое дерево. Не её воспоминание. Чужое ощущение коснулось и пропало.

- Используем чистый азурит Рата, — решила она.
Посыльный Ореста возразил:
— Распорядитель велел взять краску из дворцового запаса.
— Тогда распорядитель может сам держать кисть.
Посыльный ушёл, пообещав взыскание. Никто его не остановил.

Анна развела азурит известковой водой. Цвет посветлел. Для древней линии он был слишком холодным, поэтому она добавила крупицу чёрного угля. Рат наблюдал, сложив руки на груди.

- Лета держала кисть вот так, — сказал он и показал двумя пальцами.
— Я держу иначе.
— У тебя её рука.
— Но моя привычка.

Анна опёрла мизинец о сухой край вставки. Нужно было провести всего одну линию длиной в ладонь. Однако эта ладонь могла стать дверью и забрать неизвестно что.

— Перед началом все отходят за белую черту, — сказала она. — У линии остаёмся мы с Ратом. Дан держит верёвку вставки. Если я поднимаю левую руку, он снимает дополнение.

- Почему я остаюсь? — спросил старик.
— Потому что знаете прежнее открытие и сами выбрали пройти к жене. Но можете уйти.
— Если уйду, ты всё равно нарисуешь?
— Нет. Мне нужен человек, который понимает раствор и может заметить изменение раньше меня.

Рат встал рядом.

Анна коснулась кистью стены.

Первый мазок лёг матово. Второй соединился с древним краем. Синяя линия пока оставалась краской на извести. Анна вела её медленно, оставляя тонкий разрыв посередине. Воздух не изменился. Вода в ведре не дрогнула.

— Последний, — сказала она.

Все проверили свои записи. Дан обмотал верёвку вокруг предплечья. Рат прошептал имя жены.

Анна закрыла разрыв.

Сначала послышался колокол.

Не со стороны города, а из стены. Один низкий удар прокатился по площадке. Синяя линия потемнела. Внутри прямоугольника известковая поверхность стала прозрачной, и за ней возникла залитая солнцем Часовая площадь.

Люди по ту сторону продолжали торговаться. Мальчик пробежал мимо стены, которой для него не существовало. Над зелёной дверью качалась вывеска с серебряной пряжкой.

Рат выдохнул:

— Вея.

Анна подняла руку, не касаясь прохода.

— Никто не входит. Проверка.

Она назвала Псков, красную кружку, Елену, Ирину. Всё было на месте. Ней перечислил торговцев. Шим вспомнил ленты. Дан ответил быстро, но на имени часовщика запнулся.

— Керн, — сказал он через мгновение. — Старик Керн.

Рат молчал.

— Ваша жена? — спросила Анна.

Он смотрел на зелёную дверь.

— Там лавка Веи.

— Как она выглядит?

— Маленькая. Серые волосы. Всегда носит...

Старик поднял руки, словно хотел очертить лицо, и не смог.

— Цвет глаз?

— Я знаю её сорок лет.

— Цвет глаз?

— Не торопи.

Уверенность исчезла из его голоса. Он повернулся к людям, ища подсказку, но Анна запретила отвечать.

— Вспомните первую встречу, — сказала она. — Она облила вас водой. Что вы увидели, когда поднимали голову?

Рат зажмурился.

— Окно. Кувшин. Рука. Платье зелёное.

— Лицо?

— Было лицо.

Он сказал это с такой беспомощностью, что Дан сразу натянул верёвку. Вставка дрогнула, но не отделилась: синяя линия удерживала её сильнее раствора.

Анна схватила мастихин и ввела лезвие под слабый слой. Край поддался на ширину ногтя. Из стены пахло яблоками и тёплым деревом. Рат пошатнулся.

— Вея! — закричал он в проход.

На площади женщина у зелёной двери обернулась. Она увидела их и побежала. Старик шагнул к стене.

Анна преградила дорогу.

— Если войдёте, потеряете больше.

— Это моя жена.

— Тогда тем более.

— Уйди!

Он толкнул её. Тело Леты оказалось легче, чем Анна привыкла считать своим; она ударилась плечом о край. Рат уже протянул руку в проход, когда Дан обхватил его поперёк груди.

Вея была в нескольких шагах. Анна увидела круглое лицо, светлые глаза, родинку над губой. Рат смотрел прямо на неё и плакал.

— Я знаю тебя, — повторял он. — Я знаю, кто ты.

Но назвать черты не мог.

Анна вставила мастихин глубже. Слабая подкладка треснула. Синяя линия вспыхнула, будто по ней прошёл солнечный луч. На одно мгновение Анна увидела не площадь, а свою мастерскую в Пскове. Ирина стояла у стола с телефоном в руке. Экран показывал дату следующего дня.

Значит, дома прошли сутки.

Анна замерла. До Ирины было не больше двух шагов. Можно было позвать, бросить записку, протянуть руку.

— Снимайте! — крикнул Дан.

Она нажала на лезвие.

Вставка отлетела. Проход схлопнулся. Белая штукатурка снова стала глухой, по ней тянулись два древних синих края с пустотой между ними.

Рат вырвался из рук Дана и ударил Анну. Кулак скользнул по скуле. Она не ответила.

— Верни! — крикнул он. — Она стояла там!

— Вы забыли её лицо.

— Я вспомню.

— Тогда опишите.

Рат открыл рот. За оградой шумел город. Анна помнила каждую черту женщины, увиденной несколько секунд назад, но не имела права вкладывать их в голову старика и выдавать чужое описание за его память.

— Светлые глаза, — сказал он наконец. — Или тёмные. У неё...

Он сел на землю.

Вея добралась обычной дорогой через сорок минут. Всё это время Рат ходил от стены к воротам и спрашивал, не открылась ли дверь снова. Когда жена вошла, он узнал её голос, походку, зелёное платье, привычку поправлять рукав. Лицо оставалось для него новым.

Вея остановилась перед ним.

— Это я.

— Знаю.

— Посмотри.

Он посмотрел и отвёл глаза.

— Я не могу удержать.

Она взяла его ладонь и провела по своей щеке, носу, родинке над губой.

— Так?

— Пальцами знаю. Закрываю глаза — исчезает.

Вея не заплакала. Она повернулась к Анне.

— Кто взял?

— Стена. Или краска. Мы ещё не понимаем точно.

— Вернуть можно?

— Я не знаю.

— Тогда не говори «нельзя». И не говори «можно».

— Не буду.

Вея села рядом с мужем и заставила его описать всё остальное: имя, голос, руки, лавку, день свадьбы. Он помнил сорок лет совместной жизни, но в каждом воспоминании лицо было стёрто, словно кто-то аккуратно промыл изображение до основы.

Анна перечитала записи до и после опыта. Из пяти опор Рат потерял одну — образ лица жены. Именно он был связан с проходом сильнее всего. Дверь вела к Вее, а не просто на площадь. Для Дана площадь была дорогой к отцу, и он на мгновение забыл имя часовщика, не главное. Анна увидела Псков, потому что её собственный путь вмешался в открытие, но пока не заметила новой утраты.

Она взяла две чашки с пигментом. Чистый азурит Рата был израсходован. Дворцовый порошок оставался нетронутым, однако сладкий запах теперь шёл и от снятой вставки.

— Не краска забирает память сама по себе, — сказала Анна. — Пигмент завершает изображение. Изображение открывает прежнюю связь. А связь берёт то воспоминание, на котором держится путь.

— Какая разница? — спросила Вея.

— Если дело только в яде, можно сменить краску. Если в связи — опасен любой завершённый знак.

Дан поднял обломок вставки щипцами.

— Даже с чистым пигментом.

— Да. Дворцовая смесь, возможно, усиливает действие или несёт уже чью-то память. Но она не причина целиком.

Рат посмотрел на стену.

— Я сам согласился.

— Согласились на риск, о котором знали не всё, — ответила Анна. — Это не снимает с меня ответственности.

— И что сделаешь?

— Запишу потерю. Не открою знак снова ради проверки. Попытаюсь понять, можно ли вернуть память без двери.

— Бумага не вернёт лицо.

— Нет. Но не даст Оресту сказать, что вы всегда были забывчивы.

Посыльный вернулся с двумя стражниками и приказом доставить Анну во дворец. Дан встал между ними и столом.

— Работа ещё идёт.

— Переход был открыт без разрешения распорядителя.

— По его письменному приказу, — сказала Анна и показала лист Рата.

Посыльный прочитал знакомую печать и побледнел. Орест велел завершить малый знак, но теперь наверняка хотел назвать последствия самовольством исполнителей.

Анна положила рядом две записи: перечень памяти Рата до открытия и после.

— Передайте распорядителю копию. Оригинал останется у семьи.

— Вы обязаны явиться.

— Я явлюсь после того, как свидетели подпишут результат.

Один за другим люди прижали личные печати или оставили знаки. Шим нарисовал маленький дом и дорогу, которой больше не помнил. Дан поставил букву своего имени. Вея приложила к воску серебряную пряжку с пояса, и её узор отпечатался рядом с именем мужа.

Когда всё было записано, Анна подошла к стене. На месте вставки остался чистый пробел. Два конца синей линии почти касались друг друга, но дверь больше не могла открыться случайно.

Она велела поставить поперёк пробела деревянный клин и привязать к нему красную ткань. Не закрашивать. Не заделывать. Оставить утрату видимой.

— Это теперь ваша работа? — спросил Дан. — Сохранять дыры?

— Иногда дыра честнее целой картины.

— Орест не согласится.

— Поэтому у нас есть подписи.

Дан посмотрел на Рата и Вею. Старик сидел, положив голову жене на плечо, и пальцами заново учил её лицо.

— Отец забыл не породы дерева, — сказал Дан тихо. — Он забыл, какой звук издаёт треснувшая балка. Всю жизнь узнавал его раньше других. После перехода перестал. Я думал, возраст.

— Вы были рядом при открытии?

— Мне было пятнадцать. Я подносил воду. Путь вёл к нашему дому, и отец первым вошёл. Через три дня он не услышал треск.

Теперь цена прежней двери складывалась так же ясно, как следы убийства Леты. Проход брал не случайное воспоминание, а то, что делало место дорогой именно для этого человека. У Рата — лицо ожидавшей жены. У отца Дана — знание дерева, которым он возвращался к семье и кормил её. У Шима — сама дорога домой.

— Орест должен это знать, — сказала Анна.

— Если знает, то тридцать дней значат не срок работы.

— А срок до большой жатвы.

Они одновременно посмотрели на лицо под полотнищем. Центральная фреска была не одной дверью. В ней сходились десятки улиц, домов и людей. Чтобы открыть её полностью, понадобилась бы память целого города.

Анна взяла лист и сверху написала первое правило.

«Завершённое изображение открывает только прежнюю связь. Платит тот, чья память делает эту связь живой».

Ниже она оставила место. Правил будет больше. Потерь тоже.

Глава 6. Тридцать дней

Во дворец Анну вели не через парадные ворота, а через двор мастерских.

Здесь пахло углём, мокрой шерстью и уксусом. Под навесами чеканили медные листы, варили клей, сушили длинные полосы холста. У стены стояли четыре одинаковые каменные чаши с синим порошком. Возле каждой дежурил стражник, хотя красильщики работали без ножей и молотков.

Анна замедлила шаг.

— Не отставайте, — сказал посыльный.

— Я смотрю, ради чего меня вызвали.

На чашах были вырезаны знаки: глаз, башня, мост и раскрытая ладонь. Краска в чаше с глазом отливала тем же жирным блеском, который она заметила в корзине Леты. Красильщик черпал порошок маленькой медной ложкой, взвешивал на коромысле и отдавал писцу. Тот записывал вес, но не имя человека, принёсшего сырьё.

— Из чего делают добавку? — спросила Анна.

Красильщик посмотрел на стражника и опустил глаза.

Посыльный взял Анну за локоть. Дан перехватил его запястье прежде, чем она успела отдернуть руку.

— Во дворце гости ходят сами, — сказал он.

— Она не гость.

— Тогда назовите, кто она, и запишите это в приказе.

Посыльный высвободился. За ними шли двое стражников, перед ними открывались двери, но ни у кого не нашлось ответа. Для двора Анна была одновременно Летой Варын, которую удобно обвинить в нарушении приказа, чужеземной мастерицей, когда требовалось невозможное, и больной женщиной, когда она задавала слишком точные вопросы.

Дан добился права сопровождать её, показав храмовым писцам запись опыта. Оригинал остался у Веи. Три копии понесли в разные места: в храмовый архив, в братство каменщиков и Маре. Анна подозревала, что до вечера Орест попытается забрать хотя бы две.

Их провели в зал без окон. Вдоль стен тянулись росписи: князья принимали ключи от городов, жрецы держали над ними золотые круги, побеждённые клали к ступеням мечи. Все лица были написаны одной рукой и казались родственниками. В Пскове Анна назвала бы это поздней записью, которая не сохраняет прошлое, а объясняет его в пользу заказчика.

Посреди зала стоял длинный стол. На нём лежала доска размером с дверь, покрытая свежей штукатуркой. Кто-то перенёс на неё очертания центральной фрески: большое женское лицо, городская стена вместо венца и расходящиеся от висков дороги. На месте глаз темнели два пустых углубления.

Орест ждал у дальнего края. Рядом с ним сидел мужчина лет сорока пяти в простом сером кафтане. Простота была дорогой: ткань ложилась без единой складки, застёжки из чёрного серебра повторяли герб Астэра. Мужчина не носил короны. На столе перед ним лежало кольцо с княжеской печатью.

Села стояла за спиной Ореста и держала папку. На Анну она не посмотрела.

— Лета Варын, — произнёс сидящий мужчина.

— Это тело носило такое имя, ваша светлость, — ответила Анна. — Меня зовут Анна Левина.

— Мне доложили о вашем убеждении.

— Это не убеждение.

Орест едва заметно улыбнулся. Князь постучал пальцем по столу.

— Меня зовут Райвен Эст. Пока вы находитесь в моём городе, мой долг — решить, опасны вы для него или полезны. Распорядитель Кальн считает, что полезны.

— А если перестану быть полезной?

— Тогда останется первый ответ.

Дан сдвинулся на полшага ближе. Анна почувствовала верёвочный браслет на запястье: он дал ей его перед входом, короткий обрезок с тремя узлами. Стол, ворота, лестница. Не защита, а напоминание, что из комнаты существует дорога.

Князь положил ладонь на рисунок.

— Через тридцать дней в Астэр придут главы семи земель. В день Открытых стен мы покажем им восстановленный древний двор. Центральное изображение должно быть закончено.

Анна посмотрела на Ореста.

— Вы уже обещали князю, что я соглашусь?

— Я обещал, что работа возможна.

— Это не одно и то же.

— Для мастера, уверенного в своих руках, разница невелика.

Анна подошла к доске. Перенос выполнили через сетку: тонкие красные линии делили поверхность на квадраты. Но копиист спрямил трещины, сделал дороги симметричными и замкнул разрывы, которые на настоящей стене оставались утратами. Получалось красивее и опаснее.

— Кто рисовал?

Села подняла руку.

— По моим обмерам.

— Вы видели нижний край?

— Только открытые участки.

— Тогда это не обмер, а догадка. Здесь дорога замкнута, хотя на стене у неё нет продолжения. Здесь добавлена половина башни. Левый глаз взят с правого и отражён. Если восстановить центральную фреску по этому листу, вы откроете связи, которых не понимаете.

— Ваша задача — понять, — сказал князь.

— За тридцать дней можно исследовать слой, укрепить осыпи и составить карту повреждений. Нельзя честно обещать полное восстановление того, чего никто не видел целиком.

Орест раскрыл папку перед князем.

— Прежние мастера завершали малые знаки за три дня. Сегодня Анна открыла один за несколько часов.

— И человек потерял лицо жены, — сказала она.

— Он помнит жену.

— Он не может представить её лицо.

— Утрата прискорбна. Однако переход состоялся, никто не погиб, а знак был снят по вашей воле. Это доказывает, что вы умеете управлять открытием.

— Это доказывает, что мы вовремя испугались.

Князь протянул руку. Села положила перед ним копию записи Рата. Он прочёл весь лист, не торопясь. Анна следила за его лицом, но князь умел читать дурные известия так, словно проверял расход зерна.

— Старик согласился на опыт, — сказал он.

— На известный ему риск. Мы не знали, что стена возьмёт именно лицо Веи.

— Теперь знаете.

— Теперь знаем один случай. Центральная фреска соединяет весь город. Если плата растёт вместе со связью, она возьмёт не одно лицо.

Орест коснулся пальцем нарисованной дороги.

— Или распределит малую плату между тысячами людей. Каждый забудет незначительную подробность. Имя лавки, вчерашний дождь, цвет старой ленты. За возвращение древнего двора это разумная цена.

Анна услышала слишком готовый ответ.

— Откуда вы знаете, что цена распределится?

— Я предполагаю.

— Вы сказали «разумная цена», будто уже её считали.

Села переложила листы. Один край выбился из папки. На нём были начерчены ряды человеческих фигур и числа напротив частей лица. Орест прижал лист ладонью и задвинул обратно.

Князь это заметил. Ничего не спросил.

— Мой отец потратил двадцать лет на раскопки, — сказал Райвен Эст. — За это время Астэр дважды платил дань соседям за право провести обозы по их дорогам. Древние пути избавят нас от чужих ворот. Через тридцать дней главы земель должны увидеть не обещание, а действующую стену. Вы получите людей, материалы и защиту. Назовите остальное.

Анна могла отказаться. Тогда её отвели бы к храмовым лекарям или заперли в комнате со свежей заплатой и синей пылью. Другой мастер закончил бы рисунок по догадке Селы. Отказ сохранил бы ей чистые руки, но не остановил работу.

Она вспомнила Рата, который учил пальцами лицо жены. Чистые руки были слабым утешением.

— Мне нужны письменные условия.

Орест рассмеялся.

— Вы торгуетесь с князем?

— Я перечисляю, без чего работа станет обманом.

— Говорите, — приказал князь.

— Первое. До расчистки каждого участка делаются рисунок и копия. Один экземпляр остаётся на стене, второй хранится не во дворце.

— Где?

— У храмовых писцов или в братстве каменщиков. Лучше по очереди, чтобы один пожар не уничтожил всё.

— Принято.

Орест повернулся к князю.

— Открытые записи позволят любому вору повторить знаки.

— Копия не открывает путь, — сказала Анна. — Вы сами это утверждали.

— Не все копии одинаковы.

— Тогда напишите, какие опасны и почему.

Он промолчал.

— Второе, — продолжила Анна. — Никто не заканчивает изображение в одиночку и без списка свидетелей. Перед каждым возможным открытием люди записывают проверяемые воспоминания. После — проверяют их снова.

— Это займёт дни, — сказал Орест.

— Потерянные дни можно вернуть работой. Потерянное лицо пока нельзя.

Князь кивнул.

— Третье. Любой работник может остановиться и отойти от стены. Без наказания и потери платы за уже сделанное.

— Рабочие будут уходить при каждом скрипе, — возразил Орест.

— Если леса скрипят, хороший рабочий и должен остановиться.

Дан впервые заговорил:

— Я отвечаю за леса только при таком праве. Иначе снимите мою печать со всех ярусов.

Князь посмотрел на него.

— Вы отец того мальчика, который погиб при северном открытии?

— Сын.

— Мне сказали, мастер Ровен оступился.

— Он перестал узнавать треск балки. Мне было пятнадцать, я стоял внизу. Оступился он через три дня.

Слова легли на стол тяжелее княжеской печати. Райвен Эст отвёл взгляд к росписи, где один из его предков принимал ключи у коленопреклонённого города.

— Право остановки будет, — сказал он.

— Четвёртое. Вода, штукатурка и пигменты учитываются по происхождению. Дворцовая синяя смесь не используется, пока мне не назовут её состав.

— Состав принадлежит короне, — ответил Орест.

— Тогда корона сама отвечает за всё, что эта смесь отнимет.

— Корона и так отвечает за город, — сказал князь.

— Перед людьми или только перед летописью?

Дан тихо выдохнул. Села подняла глаза. Анна поняла, что переступила черту, но не знала здешнего вежливого способа спросить, кто вернёт старику лицо жены.

Князь медленно повернул кольцо печатью вниз.

— Перед людьми, если люди способны назвать потерю. Состав будет сообщён вам и двум выбранным свидетелям. Разглашать его без моего разрешения запрещено.

Это было меньше, чем нужно, но больше, чем ожидал Орест. Его пальцы побелели на краю папки.

— Пятое, — сказала Анна. — Я имею право оставить утрату незаполненной, если не понимаю, какую связь замыкаю.

— Нет, — ответил князь.

— Тогда вы просите не реставрацию. Вы просите нарисовать удобное прошлое.

— Я прошу закончить центральную фреску.

— Мы не знаем, была ли она когда-нибудь закончена. Разрывы могут быть частью изображения. Древний мастер мог оставить дорогу открытой именно затем, чтобы она не стала дверью.

Орест вынул другой лист. На нём был изображён тот же лик без повреждений. Бумага пожелтела, края были обожжены.

— Копия из западного хранилища, сделанная сто семь лет назад. Фреска была целой.

Анна не прикоснулась к листу.

— Кто её датировал?

— Три поколения хранителей.

— Почему вы не показали её раньше?

— Вы не спрашивали.

На старой копии дороги сходились у рта и глаз. Над венцом шли фигуры, похожие на людей с закрытыми лицами. В нижнем углу стояла печать, но половина знака была срезана вместе с краем бумаги.

Анна наклонилась. Контуры нарисованы коричневыми чернилами, утраты закрашены бледно-серым. Однако линии центрального лица были чёрными и лежали поверх старого рисунка. Кто-то дополнил копию позднее.

— Дайте лупу.

Села принесла бронзовое кольцо со стеклом. Анна направила доску к лампе. Чёрная линия блестела, коричневая оставалась матовой.

— Это две записи. Дороги и венец скопированы давно. Лицо дорисовано другими чернилами. Печать обрезана. Этот лист доказывает, что кто-то хотел показать фреску целой, но не доказывает, что она такой была.

Князь посмотрел на Ореста.

— Вы знали?

— Я знал о разных чернилах. В старых мастерских часто обводили выцветшие линии.

— Тогда почему назвали копию свидетельством целого изображения?

— Потому что под обводкой виден первоначальный след.

Анна снова взяла стекло. Под чёрной линией действительно проступало коричневое пятно, но оно могло быть трещиной, тенью или краем другого рисунка.

— Это надо исследовать, а не объявлять удобным ответом.

Райвен Эст встал. Он оказался ниже Ореста и шире в плечах. Подойдя к Анне, князь посмотрел сквозь стекло сам.

— Сколько времени?

— На копию — день. На стену — сколько потребуется, чтобы не убить людей.

— У вас есть тридцать дней.

— Тогда к тридцатому дню вы получите честный результат. Не обещание целой фрески.

— Праздник не перенесут.

— Стена об этом не знает.

Князь усмехнулся, но взгляд остался холодным.

— Запишите пятое условие так: мастер Анна Левина вправе временно оставить участок незаполненным и обязана в тот же день представить причину мне, распорядителю и двум независимым хранителям. Окончательное решение принимаю я.

Анне не понравилось последнее предложение. Но теперь разрыв нельзя было закрасить тайно по одному слову Ореста.

— Шестое. Все утраты памяти записываются вместе с именами пострадавших. Эти люди получают помощь и право свидетельствовать перед вами.

— Какую помощь может получить человек, забывший лицо? — спросил князь.

— Пока — копию, описание, сопровождение домой, плату за потерянную работу. Позже, возможно, способ вернуть память. Но сначала перестанем делать вид, что с ними ничего не произошло.

Райвен Эст вернулся на место.

— Достаточно. Кальн подготовит договор.

— Села подготовит, — сказала Анна.

В комнате стало тихо.

— Почему? — спросил князь.

— Распорядитель уже назвал догадку разумной ценой и скрыл лист с подсчётами. Мне нужен писец, который запишет ваши слова, а не его намерение.

Села прижала папку к груди.

— Я ученица распорядителя.

— Поэтому он сможет проверить каждую букву. А Дан и храмовый писец проверят за ним.

Орест обошёл стол.

— Вы очень быстро решили, что здесь вам позволено выбирать доверенных людей.

— Я никому здесь не доверяю. Это и делает проверку полезной.

Он остановился так близко, что Анна увидела серые крупинки пигмента в швах его перчаток.

— Вы хотите домой, Анна Левина?

Впервые он произнёс её имя без насмешки.

Перед глазами встала мастерская. Ирина у стола, красная кружка, серое октябрьское окно. Прошли сутки. Возможно, там уже нашли её тело — настоящее, упавшее с лесов в Спасо-Преображенском соборе, или пустую комнату, или ничего. Анна не знала, что случилось с ней в Пскове. Не знала, ищет ли её мать. И хуже всего — не помнила материнского отчества.

— Хочу.

— Центральный лик — ваш путь. Малый знак показал мастерскую, хотя вёл на площадь. Стена узнала вас. Когда лицо будет восстановлено, оно сможет удержать дверь достаточно долго.

— Какую память возьмёт?

— Старый город связан со всеми дорогами. Он возьмёт плату с города, не только с вас.

— Какую?

— Этого никто не знает.

— Вы знаете больше, чем говорите.

Орест снял перчатку. На внутренней стороне его запястья тянулись тонкие синие линии, похожие на жилки краски под кожей.

— Я открывал двери раньше вашего рождения. Потерял имена двух братьев, вкус воды из родного колодца и десять лет лица собственной матери. Я продолжил, потому что город важнее моего удобства. Не пытайтесь учить меня цене.

Анна смотрела на синие линии. В его словах могла быть правда. Именно поэтому они пугали сильнее лжи. Человек, заплативший собой, легко решает, что получил право платить другими.

— Ваша потеря не даёт вам права выбирать за Рата.

— А ваше сожаление не вернёт ему Вею.

— Поэтому я не стану открывать дверь снова без его согласия.

— Он согласится. Они всегда соглашаются, когда дверь показывает желанное.

Князь ударил печатью по столу один раз.

— Договор. Сегодня. Работы начинаются завтра на рассвете.

Села разложила чистые листы. Дан поставил рядом запись Рата. Орест диктовал медленно, вставляя слова «по возможности» и «при отсутствии угрозы княжеству». Анна останавливала его на каждом таком месте. «По возможности» заменили точным числом копий. Угрозу княжеству должен был подтвердить не один распорядитель, а князь и два хранителя. Право остановки распространили на рабочих, красильщиков, водопроводчиков и копиистов.

Спор занял два часа.

Когда дошли до состава синей смеси, Орест велел всем, кроме Анны, Селы и князя, отойти к двери. Дан отказался.

— Он мой свидетель, — сказала Анна.

— Двух свидетелей выбирает князь, — напомнил Орест.

Райвен Эст назвал Дана и Селу.

Орест достал из папки узкую дощечку. На ней были перечислены азурит, известковая вода, соль из нижней цистерны и «сохранённый осадок». Последние слова Анна прочла дважды.

— Что за осадок?

— То, что остаётся в чаше после закрытия перехода.

— От краски?

— От воды.

— Вы собираете воду после открытия и добавляете в следующую смесь?

— После прохода она удерживает след связи. Новый знак возникает быстрее.

— И несёт чужое воспоминание.

— Иногда — обрывок. Запах, слово, движение руки. Это помогает стене найти прежнюю дорогу.

Анна вспомнила высохшие яблоки и тёплое дерево, которых никогда не знала. Значит, ощущение принадлежало человеку, чью память уже размешали в синем порошке.

— Чью воду использовали для краски Леты?

— Записи хранятся в мастерской.

— Я хочу их увидеть.

— Условия касаются центральной фрески.

— Краска Леты лежала у центральной фрески. Значит, касается.

Князь добавил доступ к книгам расхода за последние двадцать пять лет. Орест не возражил, но слишком быстро согласился. Анна решила, что настоящие записи лежат не там, куда её пустят.

Договор переписали в четырёх экземплярах. Князь приложил кольцо к чёрному воску. Орест — к зелёному. Дан поставил знак лесов: две перекрёщённые балки. Села расписалась полным именем, и рука у неё не дрогнула. Анна написала по-русски: «Анна Левина». Здешний писец не смог прочесть буквы, но рядом она вывела местными знаками то же имя.

— Почему не рукой Леты? — спросил Орест.

— Потому что договор заключаю я.

Один экземпляр остался у князя, второй забрал Орест, третий понёс храмовый писец. Четвёртый Дан свернул в промасленную ткань и спрятал не в ящик, а под рубаху.

У дверей Орест догнал Анну.

— Вы получили тридцать дней и право мешать собственной работе. Теперь скажите честно: если путь откроется, вы войдёте?

Дан стоял достаточно близко, чтобы услышать. Анна могла дать красивый ответ. Пообещать остаться ради города или заявить, что уйдёт при первой возможности. Оба обещания были бы ложью.

— Сначала узнаю цену.

— Цена станет ясна только при открытии.

— Тогда, возможно, дверь придётся закрыть прежде, чем я решу.

Орест улыбнулся.

— Так говорят люди, которые ещё не увидели дом целиком.

Во дворе мастерских чаши уже накрывали крышками. Анна подошла к красильщику, у которого утром спрашивала о добавке.

— Как вас зовут?

Он посмотрел на стражника.

— Бел.

— Вы помните, откуда осадок в чаше с глазом?

Красильщик побледнел.

— Из старой воды.

— Чьей памяти?

— Мы не спрашиваем.

— С завтрашнего дня спрашиваем.

Она показала копию условия о происхождении материалов. Бел прочёл медленно, шевеля губами. Потом коснулся княжеской печати и впервые посмотрел на неё прямо.

— Тогда готовьте много бумаги, мастер Анна. Воды у нас больше, чем имён.

На выходе Дан молчал до самых ворот. Лишь оказавшись на улице, он спросил:

— Вы действительно не знаете, войдёте ли?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что человек, который заранее решил пожертвовать собой, опасен почти так же, как человек, заранее решивший пожертвовать другими.

Анна потрогала верёвочный браслет.

— А вы что будете делать, если дверь откроется?

— Держать страховку. Выбор всё равно будет ваш.

Это прозвучало не как клятва и не как просьба остаться. Обычная рабочая договорённость. От неё стало легче и страшнее одновременно.

У центральной стены их ждали рабочие. Красная ткань всё ещё закрывала разрыв малого знака. Рат и Вея ушли домой. На столе лежала оставленная стариком трубка. Анна подняла её, понюхала и почувствовала табак, яблоки и тёплое дерево. Теперь она знала, кому принадлежало последнее воспоминание. Рат отдал воде не только лицо жены. Часть дороги к ней уже оказалась в дворцовой чаше.

Дан вынес договор и прочёл его вслух. Рабочие перебивали, просили повторить право остановки, не верили в плату за уже сделанное. Шим трижды спросил, относится ли это к человеку, который забыл дорогу домой. Дан трижды ответил, что относится.

Анна разделила большую доску на тридцать узких полос.

На первой написала: «Копия и карта слоёв».

На второй: «Укрепление основы».

На третьей: «Проверка воды и красок».

Дальше пока оставила пусто.

— Почему не расписать все дни? — спросил Ней.

— Потому что мы ещё не знаем, что под полотнищем.

— Орест распишет за нас.

— Пусть. Его доска будет обещанием. Наша — тем, что стена действительно позволила сделать.

Она повесила рядом лист с первым правилом и добавила второе.

«Повторное открытие не возвращает утраченное и может взять больше».

Доказательства этому ещё не было. Было предупреждение Рату, знание Ореста и здравый страх. Анна поставила рядом знак вопроса, чтобы не выдавать предположение за факт.

Под ним написала третье:

«Материал прежнего перехода несёт обрывки чужой памяти».

Бел обещал принести книги расхода на рассвете. Села — старую копию с двумя чернилами. Дан — новые стойки и закрытый ящик для верёвок. Мара должна была искать место, где город смотрит вниз.

Тридцать дней уже начались. Князь считал их до праздника, Орест — до открытия пути, Анна — до момента, когда незнание перестанет быть защитой.

Она подняла край полотнища всего на ладонь. Под ним виднелась часть венца и тонкая фигура с закрытым лицом. На штукатурке перед фигурой кто-то процарапал тридцать коротких линий. Двадцать девять были перечёркнуты.

Последняя оставалась целой.

Глава 7. Следы первой руки

Села принесла старую копию до рассвета и отказалась выпустить её из рук.

— По договору вы имеете доступ, — сказала она. — Не право владеть.

Анна отодвинула от лампы чашку с водой.

— Тогда держите сами. Только не так.

— Как?

— Пальцами на рисунке.

Села посмотрела на собственную ладонь, будто впервые заметила её. Бумага лежала на предплечьях ученицы, большой палец прижимал чёрную линию венца. Она перенесла лист за края на чистую доску.

Мастерская ещё спала. За перегородкой Ней растапливал печь, Дан проверял принесённые ночью стойки. Вея забрала трубку Рата, но запах яблок остался на столе. Анна не была уверена, действительно ли чувствует его или теперь ищет потому, что знает.

— Где нашли копию? — спросила она.

— В западном хранилище. Ящик с описями времён князя Тара.

— Кто обнаружил?

— Я.

— Когда?

— Три года назад.

— Орест сказал, три поколения хранителей знали о ней.

Села вынула из папки опись. В ней значилось: «Лист стены, повреждённый огнём, без печати и имени». Запись была старой. Ни слова о центральном лике.

— Он мог иметь в виду сам ящик, — сказала Села.

— Мог. Но сказал иначе.

Анна положила рядом новый лист и начала с края. Размеры, надрывы, пятна, следы сгибов. Старая бумага была плотной, из длинных волокон. Верхний угол потемнел от огня, но обгоревший край не осыпался: его когда-то пропитали клеем.

— Зачем вы описываете дырки? — спросила Села.

— Чтобы завтра никто не принёс другой лист и не назвал тем же.

— На нём дворцовая печать.

— Половина печати. Вторую половину отрезали.

Села молча переписала размеры.

При боковом свете стало видно, что рисунок делали в четыре приёма. Сначала тонкой охрой наметили прямоугольник стены. Потом коричневыми чернилами провели дороги, башни и фигурки. Серой краской обозначили утраты. Чёрные линии появились последними: лицо, замкнутые арки и две дороги к дворцу.

Анна дала Селе стекло.

— Смотрите на пересечение у правого виска. Какая линия сверху?

— Чёрная.

— А здесь?

— Тоже.

— Чёрная рука не обводила выцветшее. Она исправляла коричневую. Первоначальная дорога шла вниз, к нижнему городу. Поздняя уводит её вправо.

Села приблизила лампу. Под чёрной дугой проступал тонкий коричневый хвост. Он заканчивался у группы маленьких домов возле волнистой линии воды.

— Это могла быть ошибка первого копииста.

— Могла. Поэтому сравним со стеной.

— Полотно нельзя снимать до прихода распорядителя.

— По договору работу начинают на рассвете. Рассвет наступил.

Села взглянула на светлеющее окно. Ей не понравилось, что небом нельзя командовать.

Дан вошёл с двумя рабочими и рулоном чистого полотна. Он проверил печати на старой копии, прочёл запись Анны и позвал храмового писца. Пока ждали, Ней принёс книги расхода из дворцовой мастерской. Не Бел, как обещал, а стражник оставил их у ворот и потребовал расписку.

Книг было семь. Все одинаково новые.

Анна открыла первую. Записи начинались двадцать пять лет назад, но чернила на первой и последней страницах почти не различались цветом. Края не были затёрты. В швах не накопилась пыль.

— Переписанные, — сказал Дан.

— Возможно, для выдачи.

Села нахмурилась.

— В мастерской ведут чистовые книги.

— А где черновые?

— Не знаю.

— Вы три года работали у Ореста и не знаете, откуда берётся сохранённый осадок?

— Я занимаюсь знаками, не красильней.

— Вчера вы рисовали чаши памяти на княжеской доске.

— Я рисовала по указанию.

— Не спрашивая, что они значат?

Села захлопнула книгу.

— Вы хотите доказать, что все вокруг вас либо убийцы, либо глупцы.

— Нет. Я хочу понять, кто что сделал собственными руками. Намерения потом.

— Очень удобно. Вы объявляете себя Анной, отделяете от поступков Леты, а меня судите за каждый приказ наставника.

Попала точно. Анна отложила стекло.

— Я не сужу вас за приказ. Я спрашиваю, какую часть работы вы выполнили.

— Центральный перенос, малые знаки западной галереи, описи открытий за последние три года.

— И рисунок, по которому лицо считают целым.

— Да.

— Тогда вы не просто держите папку.

Села побледнела, но не ушла.

Храмовый писец прибыл вместе с Марой. Сестра Леты несла завернутую в холст деревянную створку.

— Нашла, где город смотрит вниз, — сказала она.

Дан запер дверь мастерской. Мара развернула створку. Это была часть старого ставня, на внешней стороне которого нарисовали перевернутый город. Башни свисали вниз, словно отражались в воде, а над ними раскрывался один большой глаз.

— Где?

— Под колодезным воротом у дома. Если наклониться над водой, верхний город отражается под ногами. За камнем была ниша. Створку заложили лицом к стене.

На внутренней стороне Лета вырезала строки и покрыла углубления сажей.

«Первая рука вела воду к домам. Вторая подняла её к дворцу. Третья нарисовала лицо и назвала это памятью».

Ниже шли три знака: открытая ладонь, рука с кольцом и закрытое лицо.

Села отступила.

— Откуда это у вас?

— Лета оставила, — ответила Мара.

— Это может быть подделка.

— Может. Поэтому мы не будем верить только потому, что вырезала моя сестра.

Анна посмотрела на Мару. За несколько дней та научилась говорить так же осторожно, как они работали со штукатуркой: не добавлять утраченного из любви к целому образу.

Они сравнили створку с копией. Открытая ладонь совпадала со знаком на одной из дворцовых чаш. На коричневом слое старого листа ладонь стояла у дорог нижнего города. Чёрная рука превратила её в украшение на воротах дворца.

— Первая рука — не мастер, — сказала Анна. — Это слой рисунка.

— Лета различала записи? — спросила Мара.

— Она заметила хотя бы три вмешательства. Возможно, поэтому начала снимать позднее полотно.

Села разглядывала вырезанные слова.

— Если она знала, почему не сказала распорядителю?

— Может быть, сказала, — ответил Дан. — А потом упала.

Села подняла на него взгляд.

— Вы считаете, Орест приказал её убить?

— Я считаю, верёвку надрезали дворцовым инструментом после проверки Леты. Имя пока не называю.

Анна велела вынести стол к стене. Восемь свидетелей осмотрели печати на полотнище. Дан поставил новые леса только на нижний ярус: выше никто не поднимется, пока не заменят повреждённые связи. Снимать покров решили полосами шириной в две ладони, сразу закрепляя отогнутый край.

— Центральный участок принадлежит дворцу, — сказала Села. — Я должна руководить открытием.

— Руководите записью, — ответила Анна. — За слой отвечаю я, за леса Дан. Если не согласны, пишите причину остановки на доске.

Села взяла уголь, но ничего не написала.

Под полотном оказался не венец, как думали, а верхняя часть городской стены. Поздний копиист превратил зубцы башен в украшение вокруг лица. Анна очищала только пыль по краю, не касаясь красочного слоя. Мара держала зеркало, направляя утренний свет. Ней зарисовывал каждую раскрытую пядь.

Первая фигура с закрытым лицом стояла на башне. Тело было написано охрой и серой землёй, а белая повязка поверх лица — яркой известью другого состава.

Анна смочила ватный жгут и коснулась края повязки. Белый цвет сразу перешёл на волокно. Древняя охра осталась неподвижной.

— Позднее, — сказала она. — Повязку добавили поверх сухой живописи.

— Снимем? — спросил Ней.

— Нет. Сначала копия и проба растворителя на отдельном краю.

Села склонилась к фигуре.

— Под белым видно глаз.

Тонкая коричневая дуга проступала там, где поздняя известь растрескалась. Значит, древние не изображали безликих людей. Кто-то лишил их лиц позже.

Анна перешла к тридцати процарапанным линиям. Они находились не на красочном слое, а на поздней белой повязке. Двадцать девять перечёркиваний сделаны одним остриём, последняя линия — другим, более узким.

— Это не древний счёт, — сказала она. — Самая ранняя царапина моложе повязки.

— Сроки прежних работ? — предположил Дан.

— Или открытия. Нужны записи.

Села открыла чистовую книгу. Тридцать лет назад в ней значилось одно пробное открытие северной дороги. Двадцать девять раз нигде не появлялось.

— В книге расхода должны быть порции осадка, — сказала Мара.

Анна перелистала страницы. Ежегодно выдавали несколько мер синей смеси, но назначения обозначали общими словами: «для укрепления знака», «для проверки связи», «по распоряжению».

— Это не учёт, — сказал Дан. — Это способ забыть на бумаге.

Храмовый писец неодобрительно кашлянул, но записал фразу дословно.

К полудню они открыли полосу до плеча центральной фигуры. Лица там не было. На древнем слое изображалась сама городская стена, вид сверху и сбоку одновременно. Дороги шли не к глазам женщины, а через ворота к домам, колодцам и мастерским. Женское лицо возникало только из поздних линий: дуга моста стала бровью, две площади — глазами, стена — венцом.

— Его не восстанавливали, — сказала Анна. — Его придумали из города.

Села резко повернулась.

— На нижнем слое есть лицо. Я видела подбородок.

— Возможно. Но верхняя часть не принадлежит той же руке.

— Вы открыли одну полосу.

— Поэтому я говорю «верхняя часть», а не «вся фреска».

Орест появился после полудня с шестью стражниками и двумя дворцовыми мастерами. Он поднялся на настил, не спросив Дана. Тот преградил ему путь перекладной.

— Проверка по одному.

— Я строил эти леса.

— Двадцать лет назад. Сегодня за них отвечаю я.

Орест позволил обвязать себя страховкой. Анна заметила, как уверенно он проверил узел. Он и правда работал на стенах, а не только отдавал приказы.

Увидев открытую полосу, распорядитель долго молчал.

— Вы сняли недостаточно, — сказал он наконец.

— Достаточно, чтобы различить руки.

— Поздняя запись тоже часть истории.

— Да. Поэтому мы её не уничтожаем. Но она не должна выдавать себя за первоначальный слой.

— Никто не выдаёт.

Мара показала створку Леты.

Орест не прикоснулся к ней. Взгляд задержался на знаке ладони.

— Девушка увлекалась загадками.

— Она написала, что воду подняли к дворцу, — сказала Анна. — На старой копии коричневые дороги идут к домам нижнего города. Чёрные перенаправлены сюда. Кто это сделал?

— Мастера князя Тара укрепляли власть после мятежа.

— И вы знали?

— Я знаю историю стены лучше вас.

— Тогда почему сказали князю, что копия показывает целый древний лик?

— Потому что лик существовал до исправлений Тара. Город изображали лицом задолго до него.

— Докажите слоем, а не рассказом.

Орест подозвал дворцового мастера. Тот принёс тонкий нож и потянулся к белой повязке. Анна схватила его за запястье.

— Без пробы нельзя.

— Я снимал такие записи, когда вы ещё не родились, — огрызнулся мастер.

— Тогда знаете, что ножом счищают вместе с нижней краской.

— Нижняя держится крепче.

— Где проверили?

Мастер посмотрел на Ореста.

Анна не отпустила руку.

— Спускайтесь.

— Вы не можете выгнать княжеского мастера.

— Могу остановить человека, который касается стены без записи и пробы. Это в договоре.

Орест кивнул мастеру. Тот убрал нож, но, спускаясь, задел плечом Нея. Юноша удержал рисунок и едва не потерял уголь.

— Вы хотите показать всем разногласия, — сказал Орест.

— Они и так существуют. Я хочу, чтобы после них осталась стена.

— После ваших проверок к празднику останется полоса шириной в ладонь.

— Зато настоящая.

Анна предложила опыт без снятия белил. Они направили тёплый влажный воздух на край повязки и приложили тонкую бумагу. Поздний известковый слой отдал слабый отпечаток. Под ним на мгновение проступило древнее лицо: не женщины и не правителя, а мальчика, несущего кувшин.

Села вскрикнула.

Отпечаток исчез, когда поверхность высохла, но Ней успел сделать рисунок. Мальчик смотрел в сторону нижнего города. Его кувшин соединялся коричневой линией с каналом.

— Вода к домам, — сказала Мара.

Орест спустился с лесов.

— Деталь ничего не меняет. Центральный образ составлен из жителей. В этом и смысл города-лица.

— Меняет направление, — возразила Анна. — Первая рука вела связь от цистерны к домам. Поздняя закрыла жителей и подняла дороги к дворцу. Если закончить лицо по чёрной копии, откроются не древние городские пути, а пути власти князя Тара.

— Они тоже древние.

— Древность не делает подделку правдой.

Села стояла у доски с углём. Орест посмотрел на неё.

— Запишите: мастер Левина без достаточного открытия слоя объявила позднюю запись подделкой.

Села написала первую половину. Потом остановилась.

— Что ещё? — спросил он.

— Нужно записать основание её вывода.

— Я продиктовал.

— Вы продиктовали возражение.

Орест медленно снял перчатку. Синие линии на запястье казались темнее, чем вчера.

— Основание не доказано.

— Тогда так и запишу: «Распорядитель считает основание недоказанным».

Анна не вмешалась. Села должна была сама провести эту линию.

Ученица дописала: «Различены первоначальная коричневая дорога к нижним домам, поздняя чёрная дорога к дворцу и белая запись поверх лиц жителей. Под повязкой обнаружена фигура водоноса».

Орест прочёл и поставил печать.

— До вечера откройте весь левый глаз.

— Нет, — сказала Анна.

— Это распоряжение.

— На сегодня основа получила достаточно влаги. Если продолжить, поздний слой потянет древний за собой.

— Тогда работайте сухим способом.

— Сухой снимет лицо водоноса.

— Вы оставляете участок незаполненным?

— Я останавливаю раскрытие до высыхания. Причина записана. Позовите двух хранителей, если хотите спорить по договору.

Орест посмотрел на княжескую печать внизу листа. Первый день работы, первое применение условия, которого он не хотел.

— Завтра вы потеряете время, — сказал он.

— Завтра стена всё ещё будет здесь.

Когда распорядитель ушёл, рабочие заговорили разом. Дан велел им повторить вслух, кто что видел. Ответы различались. Один заметил только мальчика, другой — линию воды, третий был уверен, что под белым находилась женщина. Анна записала все версии отдельно. Большинство не превращало догадку в факт.

Мара принесла с рынка тонкую бумагу для отпечатков. Ней сделал чистую копию открытой полосы. Села сидела у книг расхода и сопоставляла даты.

— Здесь, — сказала она под вечер.

В трёх книгах повторялась одна особенность. Каждый год перед праздником Открытых стен в мастерскую поступало по одной мере осадка, но расходовалось две. Недостающую меру обозначали как «возврат из западной галереи».

— Где галерея? — спросила Анна.

— Под дворцом. Официально закрыта после обвала.

— Когда?

— Двадцать девять лет назад.

Все посмотрели на царапины.

Двадцать девять перечёркнутых линий.

— Значит, её открывали каждый год, — сказал Дан.

— Или каждый год кто-то считал срок после обвала, — возразила Анна. — Не подгоняем след под красивый ответ.

Села перелистала последнюю книгу. Текущий год ещё не был перечёркнут. Возврата из западной галереи в записях не значилось.

— Последняя мера должна поступить на праздник, — сказала она.

— Для центрального лица, — добавила Мара.

Анна посмотрела на фигуру под полотном. Белая повязка скрывала древнего водоноса. Таких фигур могли быть десятки: пекари, каменщики, дети, женщины у колодцев. Поздняя рука закрыла их лица, соединила дороги с дворцом, а потом назвала получившийся образ памятью города.

— Кому принадлежит западная галерея? — спросила она.

Села закрыла книгу.

— Оресту. Ключ всегда у него.

— Всегда?

— После смерти прежнего распорядителя.

— Двадцать девять лет назад?

— Нет. Двадцать два.

Дан провёл ладонью по лицу. Двадцать два года назад открыли проход на Часовую площадь. Через три дня погиб его отец.

Анна записала даты рядом, не соединяя их линией. Пока это были два числа, а не доказательство.

На доске тридцати дней она перечеркнула первую полосу. Работа дня называлась «Копия и карта слоёв», и впервые обещание совпало с тем, что сделала стена.

Во вторую полосу Анна вписала: «Найти черновые книги. Проверить западную галерею. Не открывать».

— Последнее слово лишнее, — сказала Села.

— Почему?

— Если мы найдём дверь, вы всё равно захотите увидеть, куда она ведёт.

Анна вспомнила мастерскую в двух шагах, телефон в руке Ирины и дату следующего дня.

— Захочу, — признала она. — Поэтому и пишу заранее.

Села взяла уголь и обвела два последних слова рамкой.

Глава 8. Мастерская без имени

Утром на двери мастерской висела новая доска: «Работы центральной стены. Вход по списку». Ниже стояла дворцовая печать и оставалось пустое место для имени руководителя.

Анна прочла надпись дважды. Пустота была ловушкой: впиши своё имя — и все последствия станут твоими; откажись — и двор назовёт работу бесхозной.

— Снимем? — спросил Ней.

За ним ждали штукатур Рат, красильщица Вея, двое каменщиков, храмовый копиист и девушка с корзиной тряпья.

— Нет. Допишем.

Анна вывела углём: «Имена работающих — в дневной записи. Решения действуют после подписи свидетелей».

— Сотрут, — заметил Дан.

— Тогда сначала сделаем копию.

Ней снял угольный отпечаток, храмовый копиист переписал слова и поставил знак. Только после этого Дан открыл дверь.

Внутри большой стол сдвинули к стене. Ящики с образцами остались запечатаны, но в углу появился высокий шкаф с железной накладкой. Ключ торчал в замке. У окна ждала Села.

— Распорядитель велел хранить записи здесь. Один ключ у меня, второй у него.

Анна открыла шкаф. На полках лежали чистая бумага, дощечки и четыре новые книги.

— Хороший шкаф. Будем хранить в нём чистые листы.

— Договор требует учёта.

— Именно. Учёт останется не в одном месте.

Анна разделила длинный стол верёвкой на четыре участка: принесённое; осмотренное, но непонятое; решения; копии для выдачи.

— Запись начинается не с вывода, — сказала она. — Сначала то, что можно проверить руками: размер, цвет, трещина, кто принёс и кто видел. Потом отдельно догадка. Если завтра она окажется глупостью, наблюдение останется полезным.

Каменщик с разбитым носом хмыкнул:

— А если я писать не умею?

— Говорите при двух людях. Один пишет, второй читает вслух. Вы ставите знак.

— Палец у меня есть. Даже девять с половиной.

Люди засмеялись. Каменщика звали Тор Клей; полпальца он оставил между блоками и с тех пор первым проверял клинья. Молчаливый Ивен слышал пустоту по звуку молотка. Копиист Лир Эн не ставил храмовую печать под невиданным. Девушка Пай читать не умела, зато различала двенадцать синих красок по сухому порошку.

— В дворцовой описи семь, — сказала Села.

— Значит, пятерых дворец покупает, не называя, — ответила Пай.

Вея толкнула её локтем, но Ней уже записал фразу.

— Не всё надо тащить в книгу, — пробормотала Вея.

— В книгу наблюдений — нет. В лист вопросов — да. Кто продаёт? Как выглядит? Для чего годится?

Ней озаглавил первый лист: «Журнал центральной стены» — и остановился.

— Чьей мастерской?

— Ничьей. Пока работа не стала чьим-нибудь имуществом.

— У всякой мастерской есть мастер.

— Здесь есть ответственные за каждое действие, но нет хозяина правды.

Села нахмурилась:

— Отсутствие имени тоже знак.

— Пусть означает, что запись нельзя унести вместе с одним человеком.

Подлинный журнал решили держать на открытой полке и ежедневно читать вслух. Вечером Лир уносил копию в храм, Ней — хранителям лесов. Короткий лист вывешивали у ворот: что открыли, чем работали, были ли утраты памяти. Двор получал копию с печатью Селы. Ошибочную строку не стирали, а перечёркивали одной чертой, рядом писали причину.

— Четыре книги — четыре правды, — сказал Рат.

— В конце дня сверяем их.

— До ночи работать не успеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.